
БОРЬБА ПРУССКОГО НАРОДА ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ (ДО КОНЦА XIII в.)

В. Т. ПАШУТО

ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА

История прусского народа еще не написана. Сами пруссы были ассимилированы или истреблены Немецким орденом. Прусская земля, лежащая между Вислой и Неманом, в основном вошла в состав Польши, но в значительной мере она была включена и в СССР: Калининградская область РСФСР охватывает бывшие земли Самбии, Надровии, а также часть земель Натангии, Вармии, Бартии и Скаловии; Литовская ССР включает земли Скаловии, Надровии и Судовии; бывшие судовские волости входят в состав БССР.

Наша историческая наука пока что не обнаружила должного внимания к прошлому свободолюбивых пруссов. Тому пример — «Всемирная история». История пруссов из нее фактически выпала, как, впрочем, выпала и история порабитителя пруссов — Тевтонского ордена, наиболее долговечного из государств, возникших в результате крестовых походов.

На наш взгляд бесспорно, что историю пруссов следует рассматривать самостоятельно, но в тесной связи с историей прежде всего Литвы и Польши, а также Германии и Руси. Подобной историографической традиции пока нет; это вынуждает исследователя истории пруссов оперировать весьма обширной литературой, в той или иной мере касающейся прошлого Пруссии.

Прошлым пруссов, издревле населявших прибалтийское Поморье, немало занималась буржуазная наука Германии, Польши, а также Литвы и России, но создать историю прусского народа ей не удалось¹.

Немецкая историография Пруссии поистине необъятна², но проникнута одним стремлением — изобразить Орден носителем высшей культуры, превознести его и прославить. Однако, трудясь над решением этой задачи, многие исследователи привлекли разнообразные новые источники и создали работы более широкого значения. Прежде всего это относится к огромной публикаторской работе историков-археографов (Ф. Г. Бунге, Т. Гирш, М. Тёппен, Э. Штрельке и др.), издавших корпуса актов по истории Ливонского и Прусского орденов, по истории епископств Помезании, Вармии и Самбии, а также собрание немецких средневековых хроник.

¹ Это справедливо отмечал уже Г. Ловмянский (H. Łowmiański. Dotychczasowy stan badań dziejów dawnych prusów, Olsztyn, 1947, str. 18).

² E. Wermke. Bibliographie der Geschichte von Ost- und Westpreussen, Königsberg, 1936; дополнения — в Altpreussischen Forschungen, 1937, ff; Его же. Deutsche Arbeiten über Ost- und Westpreussen seit 1945. Jahrbuch der Albertus-Universität zu Königsberg Pr, Bd. 5, Göttingen, 1955, SS. 334—353.

Немецким историкам принадлежат многочисленные ценные историко-ведческие труды — это работы М. Перльбаха, исследования Г. Бауэра (о хронике Петра Дюсбурга), В. Циземера (о хронике Николая Ерошина), Ф. Вахтсмута и др. (о ливонской рифмованной хронике) и т. п.

Обстоятельные исследования М. Тёппена и А. Бецценбергера посвящены исторической географии. Опубликованы и фундаментальные труды по социально-экономической истории Пруссии под властью Ордена³.

Политическая история Восточной Прибалтики представлена серией работ, начиная сводным трудом А. Л. Шлёдера и кончая монографиями Ф. Шварца, Л. Арбузова и др. Под их пером политическая история собственно Пруссии превратилась в эпопею завоевания прусских земель крестоносцами. Эта историографическая традиция очень стара, она восходит еще к немецким средневековым хроникам⁴. Но и такие работы приносят пользу историку, помогая правильнее оценить те силы, которые противостояли народам Прибалтики.

Много внимания было уделено немецкой буржуазной наукой (в чем ей содействовала и скандинавская наука, представленная публикациями на немецком языке) жизнеописаниям руководителей Ордена, наиболее крупных папских агентов-миссионеров и др. Немало сделано и по истории политических и экономических взаимоотношений Ордена с другими странами — с рыцарскими колониями «святой земли» (Г. Пруц), с папской курией (В. Фридрих), с Русью (Г. Шрёдер, Л. К. Гётц).

Обратимся к рассмотрению взглядов некоторых, наиболее видных и типичных для данного направления представителей этой историографии, на примере которых наиболее ясно видно, как апология Ордена закрыла немецким историкам путь к объективному анализу прусской истории.

В четырехтомном исследовании А. Л. Эвальда⁵ собрано и систематизировано немало фактов. Книга внутренне глубоко противоречива, ибо автор рисует картину жестокого истребления пруссов, а толкует о приобщении Орденом народа к христианской культуре⁶. Автор сам чувствует это противоречие и потому снабжает текст просвещенными сожалениями о вызванной временем жестокой и предательской политике Ордена⁷, не делая в то же время никакого различия между освободительной борьбой пруссов и завоевательным разбоем Ордена.

Лейтмотив книги остается неизменно один: «Мы, немцы, должны радоваться, что Орден создал новую пограничную область, в которой рядом с христианством также и немецкая жизнь пустила сильные корни, и где позднее вырос один из крепких стволов (resp. родов.— В. П.) нашей Германии, это было благословенное деяние»⁸. Дюсбург, сообщая тенденциозные легенды и предания о доблести рыцарей и жестокости язычников, содействовал воспитанию членов Ордена в духе ненависти к покоренным; унаследовав его факты и идеи, А. Л. Эвальд своим трудом служил делу юнкерско-буржуазного «германизма» 70—80-х годов XIX в.

Изложение событий дано по «завоеваниям»: «Завоевание Помезании», «Завоевание Погезании» и т. д., впрочем, с одним любопытным исключением. Том первый, заканчивающийся на 1242 г., кануне восстания прус-

³ См. исследования Г. Аубина, В. Брюннека, Г. Плена, Р. Плюмицке, Е. Вильке и Е. Эльснитц. Имеются немецкие работы и специально посвященные отдельным вопросам истории древних пруссов — О. Гейна и Б. Мартини — по хозяйству, ряд работ В. Герте и В. Лабома, а также шведа Г. Аберга — по материальной культуре, В. Маннгарта, Г. Бертулейта, А. Брюкнера и др. — по идеологии и т. д.

⁴ Я. З у т и с. Очерки по историографии Латвии, ч. I, Прибалтийско-немецкая историография, Рига, 1949, стр. 6.

⁵ A. L. E w a l d. Die Eroberung Preußens durch die Deutschen, BB. I—IV, Halle, 1872, 1875, 1884, 1886.

⁶ Ibid., Bd. I, S. 32.

⁷ См. *ibid.*, S. 151.

⁸ *Ibid.*, Bd. II, S. 165—166; ср. Bd. IV, S. 290; Bd. I, SS. 32—38, 82 и др.

сов, доведен лишь до захвата ливонскими рыцарями Изборска и Пскова и сопровождается выводом: «Таким образом, этот первый поход Ордена, который он предпринял для обеспечения безопасности немецких владений на Двине и Эмбахе (Эмайе.— В. П.), сопровождался хорошими результатами»⁹. Объективности ради автору следовало вспомнить и битву на Чудском озере, тогда 1242 г. как грань событий приобрел бы должное обоснование, правда, результаты похода выглядели бы иначе.

Ошибочно трактует автор и вопрос о значении монгольского завоевания для Прибалтики. Он устанавливает, что прямого отношения к Пруссии это нашествие не имело, следов похода сюда нет, но утверждает, что оно было положительным фактором для язычников, содействуя подъему их борьбы¹⁰. Едва ли. У пруссов и без того были достаточно веские основания для борьбы; нашествие же, ослабив Русь, Польшу¹¹ и Литву, было в середине XIII в. объективно на руку Ордену.

Наконец, автор выдвигает еще одну мысль, которой особенно посчастливилось в последующей немецкой историографии. Он считает, что причина борьбы между Орденом и епископами прусскими (в частности Христианом) коренилась в разности их целей: один стремился покорить, другой — просветить¹². Эта мысль стала предметом дискуссии среди немецких ученых новейшего времени, которые, как будто, совсем забыли, что и для Ордена и для епископа главной целью оставался захват прибалтийских земель.

Коснемся кратко этой дискуссии.

Э. Каспар, посвятивший свой труд Герману Зальца, приходит к выводу, что «не благосклонность императора и еще менее милость папы, а меч рыцарей и политическое искусство великих магистров создали Орденское государство»¹³. Между тем ясно, что Орден не решил бы своей задачи без притока рыцарей из Тюрингии, Саксонии и иных немецких земель, без идеологической и организационной помощи курии, сумевшей привлечь к содействию Ордену даже Чехию, Польшу и другие страны.

Нет нужды говорить, что и для этого автора Орден — форпост христианской германской культуры¹⁴.

Другой автор — Ф. Бланке, посвятивший свои работы епископу Христиану, напротив, идеализирует политику курии и ее ставленника. Автор будто забывает о делах курии в Венгрии, на Руси, в Финляндии, словом в Восточной Европе. По мнению Ф. Бланке, на место бескорыстного просветителя пришел Орден, алчный завоеватель, подчинивший святое делу духу насилия, политике¹⁵.

Специальную работу о Немецком ордене в Пруссии написал Э. Машке, у которого миссионерский характер Ордена подразумевается сам собой и в центре анализа поставлены противоречия между Орденом и курией как противоречия между двумя формами миссии. Коллизия целиком надуманная, ибо всякому непредубежденному исследователю ясно, что церковь не противоположна политике, она лишь орудие последней; от мирского тогда отмежевывались либо правоверные простаки, либо лукавые папские демагоги. Собрать их заявления — дело нетрудное, но свести к ним Drang

⁹ Ibid., Bd. I, S. 235.

¹⁰ Ibid., Bd. II, S. 64; Anm. 2, SS. 65, 76.

¹¹ См. об этом S. Krakowski. Polska w walce z najazdami tatarskimi w XIII wieku, Warszawa, 1956.

¹² A. L. Ewald. Op cit., Bd. II, S. 165.

¹³ E. Caspar. Hermann von Salza und die Gründung des Deutschordensstaates im Preussen, Tübingen, 1924, S. 39.

¹⁴ Ibid., S. 53.

¹⁵ F. Blanke. Die Missionsmethode des Bischofs Christian von Preussen.— Altpreuussische Forschungen, IV, 2, 1927, S. 41; cp. Его же. Die Entscheidungsjahre der Preußenmission (1206—1244).— Zeitschrift für Kirchengeschichte, Bd. 47, Heft I, Gotha, 1928, S. 40.

nach Osten — значит дать хоралам заглушить звон динариев св. Петра. Мысль автора состоит в том, что меч пресек первоначальную папскую идею миссии, а на ее место была поставлена другая, орденская. Неосновательно считая первых миссионеров чуждыми делу Ордена, автор приходит к выводу, что «рыцарь победил монаха»¹⁶. Влияния освободительной борьбы пруссов на смену форм «миссии» автор не касается. Эта работа — ловкая попытка идеологической реабилитации и рыцаря и монаха. Над ней витает тень А. Л. Эвальда.

К серии перечисленных исследований примыкает опубликованная в Хельсинки книга Г. А. Доннера, который полагает, что мирная и вооруженная «миссии» были равно богоугодны¹⁷. Автор здраво характеризует кардинала Вильгельма как крупного политика, умевшего прекрасно балансировать между империей и папством; он — видный организатор наступления рыцарей на Русь¹⁸. Кардинал представлен активным деятелем и фискальной политики курии в Дании, Англии, Норвегии и других странах¹⁹. Обычно, когда речь заходит о папской «миссии» на Востоке, исследователи забывают, что направляли ее крупнейшие финансисты, что папы ворочали колоссальными капиталами, поклоняясь золотому тельцу с неменьшим рвением, чем пруссы своим языческим богам.

После второй мировой войны и образования Федеральной Республики Германии здесь, а также отчасти и в Австрии, старые идеи немецкой империалистической историографии нашли новое выражение в работах М. Тумлера, В. Шлезингера и других по истории Ордена, в новой книге А. М. Амманна по церковно-политической истории и т. п.

Книга А. М. Амманна, изданная в Вене, не является специальным научным исследованием. Это — учебное пособие. Историю церкви этот автор рассматривает, почти не связывая ее с внутренними экономическими и политическими условиями общества.

В свое время мы возражали против данной автором трактовки политики курии в Восточной Европе²⁰. Ныне автор стал более скуп на похвалы курии за распространение «западного культурного влияния», но зато он замалчивает и активную поддержку курией агрессии на Востоке, маскирует ее экономические и политические цели. Он повторяет уже известную нам мысль о том, что мирские дела Ордена нарушали чистоту миссии: «Папы Климент III, Целестин III и Иннокентий III рассматривали миссию как чисто папское предприятие. Но и они были детьми своего времени. И они были того мнения, что каждый, кто после крещения оставит веру, делается виновным в тяжелом проступке не только перед богом, но и перед людьми, и должен силой быть приучен сохранять верность и силой же защищен от всех, кто ему в этом захочет воспрепятствовать. Таким образом, психологически оказалось необходимо иметь вооруженное войско, которое могло бы взять на себя эту задачу»²¹. Выходит, что не экономические и политические, а психологические мотивы побуждали курию поддерживать наступление рыцарей на народы Восточной Европы.

Автор хочет нас убедить, что силы, собранные курией, вышли из ее повиновения и потому грубые действия Ордена вызвали вражду к «За-

¹⁶ E. Maschke. Der Deutsche Orden und die Preßen. Bekehrung und Unterwerfung in der preußisch-baltischen Mission des 13 Jahrhunderts.— Historische Studien, Heft 176, Berlin, 1928, S. 33.

¹⁷ G. A. Donner. Kardinal Wilhelm von Sabina, Helsingfors, 1929, S. 241.

¹⁸ Ibid., SS. 3, 115.

¹⁹ Ibid., SS. 147, 157, 307, 315; См. об этом также W. Friedrich. Der Deutsche Rittersorden und die Kurie (Diss.), Königsberg, 1915, S. 32 и сл.

²⁰ См. В. Т. Пашуто. О политике папской курии на Руси (XIII в.). «Вопросы истории», 1949, № 5, стр. 52—76.

²¹ А. М. Амманн. Abriß der ostslawischen Kirchengeschichte, Wien, 1950, S. 51

паду»²². Верно, что Немецкий орден был наиболее циничным выразителем той политики курии, которую пытается обелить А. М. Амманн. Но ведь и курия посылала в Восточную Европу, как, впрочем, и в Переднюю Азию, не одних философов и богословов, а отряды рыцарей, включая и тех, которые подлежали карам за разбой.

Немало сделано для изучения истории пруссов старой польской историографией. Публикации, осуществленные видными археографами — А. Беловским, А. Прохаской, И. Фиялеком, В. Семковичем и др., дают в руки исследователю обширный фонд источников по истории польско-прусского Поморья. Начата трудами В. Кентжинского, Ф. Дуды, С. Куйота, П. Хаплевского²³ разработка истории польско-прусских отношений была продолжена К. Гурским, К. Тыменецким, Г. Ловмянским, С. Заянчковским, Л. Кочым, Г. Лабудой²⁴. Изучались взаимоотношения и противоречия между Польшей и Орденом²⁵, но классовая природа политики этих государств оставалась вне рассмотрения. Польские историки успешно изучали историческую географию пруссов, историю отдельных прусских земель, в частности Ятвятии; много сделано ими для исследования языческой идеологии пруссов²⁶.

Обширный и весьма ценный материал по прусской истории собран Г. Ловмянским в его двухтомном исследовании, посвященном в основном истории Литовского государства²⁷. Здесь освещена политическая география пруссов, сделан опыт определения их политической структуры (деления на бывшие племенные территории, земли, волости и села). Автор установил, что основу прусского хозяйства составляло пашенное земледелие, что древние пруссы вовсе не были так бедны и убоги, как их обычно изображали; он прекрасно охарактеризовал прусские вооруженные силы, кропотливо собрал данные о положении прусского нобилитета.

Однако и польская историография не создала обобщающей работы по истории борьбы пруссов за независимость. Ее интересовали, во-первых,

²² Ibid., SS. 51—52.

²³ См. W. K e t r z y Ń s k i. O narodowości polskiej w Prusiech Zachodnich za czasów krzyżackich. Studium historyczno-etnograficzne.—Rozprawy Akademii Umiejętności, wyd. historyczno-filozoficzny (в дальнейшем — RAU), t. 1, Kraków, 1877; E g o ж е. O ludności polskiej w Prusiech niegdys krzyżackich, Lwów, 1882; E g o ж е. O powołaniu krzyżaków przez ks. Konrada.—RAU, t. 45, Kraków, 1903; E g o ж е. Der deutsche Orden und Konrad von Masovien, Lemberg, 1904; F. D u d a. Rozwój terytorialny Pomorza polskiego (wiek XI—XIII), Kraków, 1909; S. K u j o t. Dzieje Prus Królewskich, cz. 1, (do r. 1309).—Roczniki Towarza Naukowego w Toruniu, tt. XX, 1913; XXI, 1914; XXII, 1915; XXIII, 1916; XXIV—XXV (Indeks i rejestr), 1917—1918; P. C h a p l e w s k i. Zarys historii narodowości polskiej w Prusach Królewskich i książęcych.—Zapiski Towarza Nauk. w Toruniu, r. IV, 1919, str. 193—214.

²⁴ K. G ó r s k i. Poszćki kolonizacji polskiej w Prusach, Prunań, 1934; K. T y m i e n i e c k i. Misja polska w Prusiech i sprowadzenie krzyżaków, Toruń, 1935; H. L o w m i a Ń s k i. Prusy pogańskie, Toruń, 1935; S. Z a j a c k o w s k i. Podbój prus i ich kolonizacja przez krzyżaków, Toruń, 1935; L. K o c z y. Misje polskie w Prusach i na Pomorzu za Bolesławów.—Annales Missiologicae, t. 6, Poznań, 1934; G. L a b u d a. Polska i krzyżacka misja w Prusach do połowy XIII w.—Annales Missiologicae, tt. 9, Poznań, 1937, str. 201—435.

²⁵ W. P o l k o w s k a - M a r k o w s k a. Dzieje Zakonu Dobrzyńskiego.—Roczniki Historyczne, rocznik II, zes. 2, Poznań, 1926, str. 145—210; J. K a r w a s i Ń s k a. Sąsiedztwo kujawsko krzyżackie 1235—1343.—Rozprawy Historyczne, t. VII, roczn. I, Warszawa, 1927.

²⁶ K. B u c z e k. Geograficzno-historyczne podstawy Prus Wschodnich, Toruń, 1936; A. M i e r z y Ń s k i. Co znaczy Sicco.—Stydium archeol.—liter., Lwów, 1891; E g o ж е. O władzy Criwe'go nad wszystkå Litwå i jej sąsiadami.—Charitas, Księga Zbiorowa, SPb., 1894, str. 235—243; E g o ж е. Nuncius cum baculo.—Wisla, t. IX, zes. 2, Warszawa, 1895, str. 361—395; F. B u j a k. Dwa bóstwa prusko-litewskie.—«Curche» i «Okkupirrus», в кн.: «Studia spoleszne i gospodarcze. Księga jubileuszowa dla ulezczenia 40 letn. pracy nauk. L. Krzywickiego», Warszawa, 1925, str. 28—43.

²⁷ H. L o w m i a Ń s k i. Studia nad początkami społeczeństwa i państwa latewskiego, tt. 1—2, Wilno, 1931—1932

история польской хозяйственной, политической и этнической колонизации прусского Поморья, во-вторых, вклад Польши в католическую «миссию» на Поморье, в-третьих, история борьбы Польши с Орденом за польско-пруссские земли Поморья. Эта историография не ставила под сомнение и положительную роль папской курии в истории пруссов²⁸.

Литовская буржуазная наука выдвинула и начала разработку некоторых новых вопросов прусской истории. В частности, она обратила внимание на литовско-пруссские исторические связи (П. Климас, З. Ивинский²⁹ и др.), на общность обычаев и верований (Э. Вольтерис, П. Мешкаускас и др.³⁰), на сходство материальных культур (В. Нагевичюс³¹ и др.).

Видным литовским историком и археологом П. И. Пакарклизом был поставлен под сомнение³² один из основных тезисов немецкой историографии, а именно отрицание ею того факта, что восточно-пруссские земли Надровии, Скаловии, части Судовии (Ятвягии) были издавна областью прусско-литовской этнической и культурной общности. Современная наука плодотворно исследует вопрос о славяно-пруссских связях (работы Ф. Д. Гуревич, Е. Антоневича и др.); но эта литовско-прусская общность остается пока без внимания.

Русская дворянско-буржуазная историография оставила лишь некоторые заметки (В. Ляскоронского, А. Куника, А. Н. Ясинского, А. Л. Погодина, А. И. Соболевского) о тех или иных вопросах прусского прошлого³³. Впрочем, ей принадлежит заслуга опубликования большого числа источников (летописей, житий и т. п.), в которых исследователь находит немало фактов по истории русско-пруссских связей.

Советская и народно-демократическая историография по-новому поставила всю прусскую проблему. Начато исследование общественного строя пруссов³⁴; русскими, литовскими, польскими и немецкими историками ведется большая работа по переоценке сущности и целей немецкой

²⁸ В этом отношении типична работа ксендза С. Куйота, которая проникнута стремлением оправдать курию, представить ее как силу, сдерживающую неумеренные жестокости Ордена (S. Kujot. Op. cit., str. 704).

²⁹ P. Klimas, *Lietuvių senovės bruožai*, Vilnius, 1919; Его же. *Litwa starożytna*, Wilno, 1921; Z. Ivinskis. *Lietuvos prekyba su prusais, I dals*, Kaunas, 1934.

³⁰ Э. Вольтерису принадлежит много небольших статей и заметок. Лучшую их библиографию см. J. Kisinas, Prof. E. A. Volterio bibliografija—*Tauta ir Zodis*, t. V, 1928, pp. 361—385; P. Meškauskas. *Volksbräuche in litauischen Familienleben* (Niederkunft, Taufe, Hochzeit und Begräbnis d. preuss. Litauer), Tilsit, 1936: эта тема отражена и в новейших работах, см. M. Alsekaitė-Gimbutienė. *Die Bestattung in Litauen in der vorgeschichtlichen Zeit*, Tübingen, 1946; J. Balys. *Litauische Hochzeitsbräuche*. Contributions of Baltic University, № 9, Hamburg, 1946.

³¹ V. Nagevičius. *Mūsų pajūrio medžiaginė kultūra VIII—XIII amž. Senovė*, t. I, Kaunas, 1935.

³² P. Pakarklis. *Mažoji Lietuva vociečių mokslo šviesope.— Socialnių ir politikų Mosklų Institutós. Leidinys*, № 4. Kaunas, 1935, pp. 53, 55 и др.; F. Arvydas. *Das Memelland ist es wirklich deutsches Land?*, Kaunas, 1934; V. Vileišis. *Tautiniai santykiai Mažoje Lietuvoje*, Kaunas, 1935.

³³ Нужно выделить исследование о ятвягах—A. Sjogren. *Über die Wohnsitze und die Verhältnisse der Jatwägen*. «Записки имп. Академии наук», серия VI, т. IX, СПб., 1859. Во французской науке история пруссов также не изучалась. См. Henri de Montfort. *La Prusse au temps des Prussiens*, Paris, 1946, p. 7.

³⁴ В. Н. Перцев. Пруссия до ее завоевания немцами. «Исторический журнал», 1944, № 4, стр. 44—52; Его же. Культура и религия древних пруссов. «Ученые записки Белорусского государственного ун-та имени Ленина», вып. 16, серия историческая, Минск, 1953, стр. 329—378; Его же. Внутренний строй Пруссии перед завоеванием ее немцами (там же, вып. 23, 1955, стр. 90—123); Его же. Начальные периоды истории древней Пруссии (Генезис прусской народности) (там же, вып. 30, 1956, стр. 109—122); Н. П. Грацианский. Пруссия и пруссаки, М., 1945; A. Kamiński. *Yaćwież. Terytorium, lidność, stosunki gospodarcze i społeczne*, Łódź, 1953; P. Pakarklis. *Lietuvių vokietinimas Mažojoj Lietuvoj*. Maskva, 1942; В. Т. Пашуто. Хозяйство и техника средневековой Литвы. «Вопросы истории», 1947, № 8, стр. 74—81; Его же. О возникновении Литовского государства. «Известия АН СССР, серия истории и философии», т. IX, 1952, № 1, стр. 29—49; Его же. Помезания, М., 1955.

экспансии в прибалтийском Поморье³⁵ и характера восточно-европейской политики европейских держав и папской курии³⁶.

Хотя освободительная борьба пруссов все еще не получила специальной разработки³⁷, для этого, как видим, подготовлены необходимые условия.

ИСТОЧНИКИ

Мы не располагаем древними источниками письменности пруссов и должны довольствоваться тем, что говорят о них хронисты соседних, воевавших с пруссами стран (Руси, Польши, Германии, Дании и др.) и Немецкого ордена, который захватил прусскую землю. Интересные сведения сообщают о пруссах и те путешественники — западные (вроде Вульфстана) и восточные (вроде Ибрагима ибн-Якуба), которые посещали Поморье и соседние земли.

Особую ценность представляют акты (в частности жалованные грамоты Ордена прусским нобилям, папские буллы и бреве, касающиеся политики курии и Ордена в Пруссии), договоры (Кишпоркский договор 1249 г.) и, наконец, Помезанская Правда. Немалое значение имеет материал археологии, отчасти эпоса, а также житий католических и православных «святых».

Сведения о пруссах содержатся главным образом в киевском и во-лынском летописании, здесь явственно отражаются два этапа в истории русско-прусских отношений.

Известия «Повести временных лет» о русско-прусских отношениях сводятся к перечню походов войск русских великих князей на Ятвягию (Судовию) и Галиндию — в 983, 1038, 1058, 1112 гг.³⁸. В этих сообщениях земля пруссов выступает как объект феодально-колониальной политики Древнерусского государства.

В киевском летописании периода феодальной раздробленности имеется восходящее к хронике Ростиславичей известие 1147 г. о том, что союзник Юрия Долгорукого Святослав, выйдя из Лобыньска в устье Поротвы, повоевал Смоленскую волость «и взя люди Голядь (по спискам XII — въ) верх Поротве и тако ополонишася дружина Святославля»³⁹. Галинды на

³⁵ Н. П. Грацианский. Крестовый поход 1147 г. против славян и его результаты. «Вопросы истории», № 2-3, 1946, стр. 91—106; Ю. И. Жюгжда. Борьба литовского народа с немецкими рыцарями в XIII—XV вв. «Исторический журнал», 1943, № 8-9, стр. 27—33; F. H. Gentzen. Die westpolnischen Gebiete als historische Gebiete Polens. Einheit, H. 4, Berlin, 1952, SS. 367—380; H. Łowmiański. Agresja zakonu krzyżackiego na Litwę w wiekach XII—XV. — Przegląd Historyczny, t. 45, zes. 2—3, 1954, str. 338—371; P. Pakarklis. Lietuvių kova prieš kalavijuočius, Panevėžys, 1945; Его же. Kryžiuočių valstybės santvarkos bruožai, Vilnius, 1948; П. И. Пакарклис. Литовский народ в борьбе против папства и Тевтонского ордена за свою государственность (автореферат док. дисс.), М., 1951. Диссертация хранится в библиотеке имени В. И. Ленина — Дд $\frac{52-12}{2}$, тт. 1—2; В. Т. Пашуто. Героическая борьба русского народа за независимость, М., 1956.

³⁶ H. Łowmiański. Stosunki polsko — pruskie za pierwszych Piastów. — Przegląd Historyczny, t. 41, 1950, str. 152—179; G. Labuda. Stanowisko ziemi chełmińskiej w państwie krzyżackim w latach 1228—1454; там же, t. 45, 1954, str. 280—337; T. Matuffel. Papieństwo i cystersi, Warszawa, 1955; P. Pakarklis. Papiežiai — lietuvių tautos priešai, Vilnius, 1948; Y. Ziugžda. Reakcinė katalikų dvasiskija — amžimas lietuvių tautos priešas, Kaunas, 1948; В. Т. Пашуто. О политике папской курии на Руси (XIII в.), стр. 52—76; Э. Ледерер. Татарское нашествие на Венгрию в связи с международными событиями эпохи. — Acta Historica Academiae Scientiarum Hungaricae, Budapest, 1953, pp. 1—45; М. А. Заборов. Крестовые походы, М., 1956.

³⁷ О начальном этапе борьбы см. В. Н. Перцау. Барацьба старажытнай Прусіі з націскам Германіі і Польшчы у X—XIII вяках. «Ученые записки БГУ», вып. 6, серия историческая, Минск, 1948, стр. 78—102.

³⁸ ПВЛ, ч. 1, стр. 34 (938 г.), 103 (1038 г.); ср. ПСРЛ, т. XXV, стр. 376; ПВЛ, ч. 1, стр. 109 (1058 г.), 195 (1112 г.); ср. ПСРЛ, т. I, вып. 2, стлб. 290 (1113 г.).

³⁹ ПСРЛ, т. II, стлб. 339.

Поротве — либо посаженные здесь пленные похода 1058 г., либо приведенные из крестового похода 1147 г.⁴⁰

Исчезновение известий о пруссах из киевской летописи — не случайность. С политическим упадком Киевского княжества видим бессилие попыток его правителей удержать под своей властью соседние народы, в частности не только пруссов, но и Литву, которая в свою очередь начинает вести наступательную политику на Руси и обрушивает набеги своих дружин на Полоцкую, Смоленскую и Черниговскую земли.

Угрозу наступления Литвы, «беду» от «воеванья» литовского и ятвяжского — вот что встречаем мы в княжеском галицко-волынском летописании, пришедшем на смену киевскому. Волинская летопись не могла сохранить нам беспристрастных известий о пруссах. Для летописца литовцы — это язычники, «поганые», а потому их покорение, обложение данью — богоугодное дело. Князь Даниил, предлагая польским князьям поход на Литву, отлично сознавал церковно-политическую сторону этого крестового похода, когда писал: «Время есть христьяномъ на поганее, яко сами имеют рать межи собою»⁴¹. Главная цель всех повествований летописи о русских походах на ятвягов⁴² — восхваление политики галицко-волинских князей в прусских землях, подчеркивание ее преемственной связи с политикой Романа Мстиславича, начавшего освоение Ятвигии⁴³.

Отдается дань и мужеству свободолюбивых и гордых ятвягов, о чем свидетельствуют сообщения: «бысть брань люта» и «падающим же от обоих много»⁴⁴, воеводы их — люди воинственные, например Скомонд и Борут — «злаа воинника»⁴⁵; такая оценка ятвягов, понятно, лишь повышает доблесть русских князей, которые, «победив горды ятвязе»⁴⁶, сумели «наполнити болота ятвяжская» своим «полком»⁴⁷, а голова «волхва» и «кобника» Скомонда «взотъчена бысть на кол» — таковы нравы русского рыцарства, как и рыцарства всей Европы того времени.

Летописью восхваляются личные подвиги князей — Даниила, Льва, Василька, их воевод и дворских — Андрея, Якова и др. Гибель «поганых» язычников не вызывает жалости⁴⁸. Подобно западным хроникам летопись сообщает, как русские войска разоряли ятвяжские земли⁴⁹. Сообщает летопись и о тактике русских дружин, которая обнаруживает сходство с тактикой западноевропейских рыцарей (походы проводятся зимой; нападения совершаются по возможности неожиданно, князья избегают сражений в лесных дебрях и т. д.⁵⁰).

Сопоставление сведений русских летописей с данными немецких, польских и других хроник позволяет установить тождественность основных политических целей и приемов русских, польских и немецких крестовых походов на Пруссию.

К числу важнейших источников относятся также польские хроники,

⁴⁰ Соображения Р. Фасмера, А. И. Соболевского и других о древней и обширной этнической группе, населявшей верховья Поротвы, небольшого притока Оки, не поддерживают критики. Летописи и грамота 1150 г. князя Ростислава Мстиславича Смоленского дают для этого района славянскую, а не литовскую номенклатуру.

⁴¹ ПСРЛ, т. II, стлб. 815, см. также стлб. 836, 840.

⁴² См. там же, стлб. 751, 776, 810—813, 827—828, 831—836, 799—800, 808, 870—871.

⁴³ Там же, стлб. 702; Ср. также «Слово о полку Игореве», М., 1950, стр. 23, ПСРЛ, т. II, стлб. 813, 835—836.

⁴⁴ ПСРЛ, т. II, стлб. 811.

⁴⁵ Там же, стлб. 800.

⁴⁶ Там же, стлб. 833.

⁴⁷ Там же, стлб. 831.

⁴⁸ Там же, стлб. 834.

⁴⁹ Там же, стлб. 834, ср. стлб. 812.

⁵⁰ Там же, стлб. 810, 812.

с их довольно многочисленными сведениями о пруссах. Это, прежде всего, хроники Галла-Анонима (XI в.) и Винцента Кадлубка (XIII в.)⁵¹.

Польские хронисты, как и русские, одобрительно описывали факты, касавшиеся колониальной политики своих князей в земле пруссов, главным образом галиндов, сасов и ятвягов. Для Галла, как и для русского летописца, пруссы — дикари, которые живут без власти и закона, без крепостей и городов, укрытые за болотами⁵².

Пруссы испытали наступление со стороны Польши примерно тогда же, когда против них выступила Русь; уже Болеслав I Храбрый (992—1025 гг.) совершал походы на селенциев (как полагают, ятвягов), пруссов и поморян⁵³. В его время погибли в земле пруссов и первые папские агенты — миссионеры Войцех-Адальберт (997 г.) и Брунон (1009). Правительства Польши и Руси выступали и совместно против пруссов: войска Ярослава Мудрого в 40-х годах XI в., после походов на ятвягов и Литву, помогли Казимиру I подавить выступление чешско-поморско-мазовецкой коалиции, союзниками которой были пруссы-ятвяги⁵⁴. Серию крупных походов выдержали пруссы от войск Болеслава III Кривоустого (1108, 1110 и 1115 гг.)⁵⁵.

Развитие феодальной раздробленности в Польше повлекло за собой, как это было и на Руси, изменение соотношения сил. Источники скудны и отрывочны, но некоторые наблюдения они сделать позволяют. Пруссы то поддерживают отдельных польских и союзных или враждебных им русских князей (1144, 1149, 1157, 1172 гг.)⁵⁶, то отражают наступление польских, русских и даже чешских войск. Сила пруссов увеличивалась, а военная мощь Польши и Руси слабела; этим можно объяснить факт нового совместного похода польских и русских (смоленских?) князей на пруссов (вероятно ятвягов и галиндов) в 1147 г., когда союзники использовали выгодную обстановку, созданную немецким крестовым походом в Поморье⁵⁷. Однако ограбление прусской земли, захват пленных и добычи не изменили политического положения в этом крае. Новая попытка Болеслава IV подчинить ятвягов закончилась разгромом его войск во время похода 1166 г.⁵⁸. Конец XII в. отмечен новыми одновременными выступлениями против Ятвягии со стороны Галицко-Волынской Руси и Польши⁵⁹.

Начало XIII в. было временем резко возросшей активности набегов прусских дружин и пеших ополчений на Галицко-Волынскую Русь и Польшу. Из польских земель особенно страдали от набегов Мазовия, Куявия и Поморское княжество. Попытка сочетать военные походы на пруссов с отправкой к ним агентов-миссионеров не дала результата. Миссионер Филипп был убит пруссами в 1217 г.⁶⁰. Не принесла успеха и ак-

⁵¹ Galli Anonimi Chronica et Gesta Ducum sive Principum Polonorum, ed. K. Maleczyński. Monumenta Poloniae Historica (MPH), NS, t. II, Kraków, 1953; Magistri Vincentii episcopi cracoviensis Chronica Polonorum, ed. A. Przedziecki, Cracoviae, 1862,

⁵² Galli Anonimi Chronica, III, 24.

⁵³ S. Zajączkowski. O nazwach ludu Jądzwingów.— Zapiski Towarzystwa Naukowego w Toruniu, t. 18, zeszyt 1—4 (153—156), Toruń, 1953, str. 175—195; Galli Anonimi Chronica, I, 6; ср. MPH, t. III, p. 62 (Rocznik Świętokrzyski под 1018 г.).

⁵⁴ См. В. Д. Корольков. Древнепольское государство, М., 1957, стр. 175—181. О действиях против пруссов Болеслава II Смелого (1058—1079) см. MPH, t. III, p. 66 (Rocznik Świętokrzyski под 1071 г.).

⁵⁵ Galli Anonimi Chronica, II, 42; Ibid, III, 24; MPH, t. II, p. 774 (Rocznik Świętokrzyski).

⁵⁶ ПСРЛ, т. II, стлб. 385, 387 (1149 г.); MPH, t. II, p. 22 (1157 г.); MPH, t. IV, p. 752 (отряд пруссов помогал кастеляну Визны, убитому епископа Вернера); см. также MPH, t. II, p. 74—75.

⁵⁷ Monumenta Germaniae Historica (MGH), t. XVI, ed. G. H. Pertz, Hannoverae, 1859, p. 188—189; о немецком походе см. Н. П. Гр а ц и а н с к и й. Крестовый поход 1147 г. против славян и его результаты, стр. 91—106.

⁵⁸ Magistri Vincentii Chronica, III, 30; см. также MPH, t. II, pp. 798, 776.

⁵⁹ Magistri Vincentii Chronica, IV, 19.

⁶⁰ S. Zajączkowski. Annalecta Cisterciensia. RAU, t. 49, 1907, str. 13, 22.

тивизация цистерцианцев, которые получили поддержку в Поморском княжестве и проникли в Помезанию⁶¹.

Скудные для этого времени сведения польских хроник дополняются актовым материалом, из которого видно, что стремление польских князей обеспечить свои интересы в Поморье было использовано папской курией в целях укрепления собственного могущества.

Разумеется, исторические связи славян с пруссами не исчерпывались походами феодальных дружин. Памятники археологии убедительно говорят о давнем культурном общении⁶²; поразительны свидетельства языка, обнаруживающие удивительное сходство множества прусских, древнерусских и польских слов⁶³.

Если русские и польские хроники содержат данные о борьбе, которую приходилось вести с соседними государствами пруссам-ятвягам, галиндам и сасам, то северные источники знают другую прусскую землю — Самбию, которая была главным объектом торговли и пиратских действий датских викингов. Некоторые упоминания о ней сохранили прежде всего архиепископский хронист из Лунда Саксон Грамматик (умер в 1204 г.) и архиепископский хронист из Гамбурга Адам Бременский (XI в.)⁶⁴.

Согласно сообщениям северных хроник, самбам пришлось воевать еще с датским королем Регнармом Лодброком⁶⁵. Борьба самбов с набегами датских феодалов не прекращалась вплоть до 1210 г., когда состоялся последний поход⁶⁶. Источники дают основание для вывода, что Самбия в длительной борьбе с Данией сумела отстоять свою независимость⁶⁷.

Все изложенное делает понятным, почему вторжение в XIII в. немецких рыцарей в прусское Поморье нашло поначалу поддержку среди соседей Пруссии — Польши, Руси и Дании, которые рассчитывали использовать Орден для реализации своих давних политических планов. Это вторжение и освободительная борьба пруссов получили наибольшее отражение в немецких хрониках.

Среди немецких хроник для нашей темы особенное значение имеет составленная Петром Дюсбургом «Хроника прусской земли»⁶⁸. Автор, орденовский священник, писал свою хронику, вероятно, в Кенигсберге и посвятил ее великому магистру Вернеру фон Орзельн в 1326 г. Труд самим автором делится на четыре части, из которых первая показывает, когда,

⁶¹ T. Manteuffel. Próba stworzenia cysterskiego państwa biskupiego w Prusach.— Zapiski Towarzystwa Naukowego w Toruniu, t. XVIII, zes. 1—4 (153—156). Toruń, 1953, str. 157—173; См. также В. Н. Перцау. Барацьба старажытнай Прусіі, стр. 78—102.

⁶² Ф. Д. Гуревич. К истории древних пруссов в I тысячелетии н. э. «КСИИМК», вып. 70, 1957, стр. 40—48; Y. Antoniewicz. Niektóre dowody kontaktów słowiańskopruskich w okresie wczesnośredniowiecznym w świetle źródeł archeologicznych.— Wiadomości archeologiczne, t. XXII, zes. 3—4, Warszawa, 1955, str. 233—277.

⁶³ Б. Преис. Донесение. «ЖМНП», 1840, ч. 26, отд. IV, май, стр. 17—29.

⁶⁴ Saxonis Grammatici Gesta Danorum ed. A. Holder, Strassburg, 1886; Adamus Bremensis Gesta Hammaburgensis Ecclesiae pontificum, ed. B. Schmeidler, SRG, Hannoverae et Lipsiae, 1917. Последний сообщает интересные сведения о нравах, облике и занятиях самбов; он отождествляет Самбию с Пруссией и утверждает, что она граничит с Русью (Ibid., I. c. IV, 18). Этому возможны два объяснения. Либо (как считала старая литовская историография) название «прусы» первоначально распространялось и на Литву (которая в западных источниках впервые отмечена под 1009 г.), либо, что согласуется со сведениями Повести временных лет, литовско-жемайтские земли относились к Руси как ее данники.

⁶⁵ Saxo, I, lib. IX, p. 308.

⁶⁶ Saxo, I, lib. X, pp. 328—329; lib. XI, p. 378; ср. Chronicon Danicum.—SRP, t. I, p. 737. См. также S. Zachorowski. Studja do dziejów wieku XIII-go w pierwszej jego połowie. RAU, S. II, t. XXXVII (62), Kraków, 1921, str. 87.

⁶⁷ Ср. H. Łowmiański. Studia, t. II, str. 240 и сл.; B. Nerman. Die Verbindungen zwischen Skandinavien und dem Ostbaltikum in der jüngeren Eisenzeit, Stockholm, 1920, S. 62.

⁶⁸ Dusburg Petri de Chronica terrae Prussiae, ed. M. Toeppen.—SRP, t. I, 1861, pp. 21—269 (далее — PD).

кем и каким образом был создан Немецкий орден, вторая — когда и как его рыцари прибыли в Пруссию, третья — основная и по объему и по значению часть говорит о битвах и прочем, что произошло в этой стране, и четвертая сообщает о событиях мировой истории той же поры.

Великий магистр, по достоинству оценив этот труд, распорядился перевести его с латинского на немецкий язык. Так возникла рифмованная хроника Николая Ерошина⁶⁹, завершенная им при магистре Дитрихе фон Альтенбурге (1335—1341 г.). Николай Ерошин лишь несколько пополнил и распространил сведения своего оригинала⁷⁰, — отнюдь не меняя его основного идейного смысла. Содержание четвертой части хроники он разбил на куски и включил в текст основного повествования, тем самым пытаясь придать провинциальной хронике своего предшественника международное значение. Работа переводчика получила одобрение.

Хроника Петра Дюсбурга возникла в ту пору, когда Немецкий орден уже прочно освоил Пруссию и после захвата польского Поморья стал граничить с Германией. Крах авантюристической попытки превратить арабский Восток в феодальную колонию нескольких государств Европы повлек за собой активизацию подобной же агрессивной политики в Прибалтике, с чем связано и перенесение столицы Ордена из Венеции в Помезанию, в Мариенбург (1309 г.). Перед Орденом стояла задача — укрепить свою организацию и свое господство в Пруссии и усилить наступление на Литву и борьбу с Польшей, которая требовала восстановления исторических прав в Поморье. В этих условиях орденское правительство стремилось всячески подчеркнуть роль Ордена как носителя знамени крестовых походов, неукооснительно боролось против «обмирщения» своей государственной организации, стремясь тем самым оправдать свое право на существование и разбой в Прибалтике.

Понятно, что эти исторические условия наложили свою печать на хронику Петра Дюсбурга. Если сам Орден стал явным анахронизмом, то его бард не мог создать прогрессивного труда. Хронист использовал, правда, немалый материал: исторические записи различных городов и монастырей; он имел доступ к архивам и потому пользовался жалованными грамотами, договорами, статутами, папскими буллами и пр. Собственные наблюдения, сообщения очевидцев, разного рода предания составляли, по словам хрониста, важный источник его труда⁷¹. Стремясь идейно сementировать господствующий класс орденского государства, хронист широко привлек предания о «подвигах» рыцарей многих городов и легенды о связанных с ними «чудесах», сохраненные в разных монастырях фамильные предания прусских нобилей, перебежавших на сторону рыцарей, подчинив все эти источники основной идее — апологии Ордена. Идеал автора — это *miles Christi*.

Основной сюжет хроники — война против пруссов и начало войны против литовцев. Изложение дидактично, действительность мешается с вымыслом — бог, ангелы, демоны зачастую вторгаются в дела людей. Истребление язычников, измены в отношении их, а также и других врагов Ордена богоугодны. Для хрониста нет противоречия и в том, что немецкие рыцари грабят польскую землю, населенную христианами.

Это изложение освящено традицией — и историей и историографией. Доказано⁷², что Дюсбург и его последователи писали свои хроники, широко привлекая историографию антиарабских крестовых походов (такие хроники, как *Gesta Anonymi Francorum* и др.). К этому можно добавить, что Дюсбург отлично сознавал связь борьбы тевтонов против народов

⁶⁹ Nikolaus von Yeroschin. *Kronike von Pruzinlant*, ed. E. Strehlke.— SRP, t. I, pp. 291—648 (далее — NE).

⁷⁰ Ziese mer W. *Nikolaus von Ieroschin und seine Quelle* (Diss.), Berlin, 1907.

⁷¹ PD, Prologus, p. 24.

⁷² H. Bauer. *Peter von Düsburg und die Geschichtsschreibung des deutschen Ordens im 14 Jahrhundert in Preussen*. «Historische Studien», H. 272, Berlin, 1935.

Прибалтики с борьбой франков — против арабских народов. Антиарабские идеи выражены им в четвертой части хроники, где он, сообщив о падении Акры (1291 г.), поместил своего рода плач по «Святой земле» и дал краткий очерк крестовых походов⁷³, в котором с удовлетворением отметил попытки курии сблизиться с татаро-монголами и походы последних на Сирию и другие арабские страны⁷⁴. Хроника, как и папские буллы и другие источники, убеждает в том, что сущность и движущие силы экспансии против и арабских, и славянских, и прибалтийских народов были в основном одинаковы.

Но хронист не только моралист, он и политик. Он сознательно искажает историю немецко-польских отношений, чтобы подкрепить притязания Ордена на Поморье: он рисует разорение Польши пруссами, чтобы показать, будто Ордену достались пустыни⁷⁵, отнюдь не смущаясь тем, что первыми победами над пруссами сам Орден обязан Польше; так же поступает он с историей земель Скаловии, Надровии, Судовии (Ятвягии) и Галиндии (Голяди), утверждая, что население здесь либо вымерло, либо было истреблено, и Орден получил опустошенный край, а потому возможные претензии Литвы на эти земли беспочвенны. Столь же пристрастно рисует он и историю войн, не избегая описывать поражения Ордена, но всегда находя средство для соблюдения своего рода «равновесия фактов», для утверждения торжества идей христианства. Но не всегда его искажения сознательны. Многие зависело и от источников — сохранялись предания, но уже были забыты даты⁷⁶, цифры, имена.

Несмотря на все эти особенности, хроника как источник по нашей теме заслуживает высокой оценки. Она содержит яркий материал для характеристики экономического, общественного и политического положения прусского нобилитета; лишь эта хроника сохранила нам многочисленные факты из истории борьбы прусского народа за независимость в 1230—1283 гг. и о последующих его попытках классовой (восстание крестьян 1295 г.) и освободительной борьбы, а также об участии в этой борьбе Поморского княжества, Литовского государства и его вооруженных литовско-прусских сил.

Правильно понять сведения летописей и хроник о пруссах можно лишь при критическом к ним отношении и их сравнительном, комплексном изучении. В частности, они сопоставляются с ливонской рифмованной хроникой⁷⁷, где сохранились некоторые сведения о борьбе самбов за независимость, а также с хрониками оливской, самбийской, торуньской, любекской и др., имеющими вспомогательное значение для нашей темы.

Историю борьбы пруссов за независимость нельзя понять без использования прусских актов XIII—XIV вв. Обширное, продолжающееся с 1882 г. издание этих актов доведено пока до 1341 г.⁷⁸ Оно посвящено, однако, не истории пруссов, и даже не политике Ордена в их земле, а лишь политической истории Ордена под углом зрения «образования орденского государства». Тенденциозный подбор источников служит цели раскрыть «миссийный» характер деятельности Ордена как культуртрегера и просветителя, а роль курии как организатора и руководителя этой деятельности. В издание (включающее более 2500 актов) почти не попали документы, характеризующие доходы Ордена и курии от прусских земель, очень неполно отражены земельные отношения в среде пруссов и т. п.

⁷³ PD, IV, 78, 79—80.

⁷⁴ Ibid., 57, 69, 87, 108.

⁷⁵ Ibid., II, 1—5.

⁷⁶ См. PD, III, 137.

⁷⁷ *Livländische Reimchronik* (далее — LR), ed. L. Meyer, Padeborn, 1876.

⁷⁸ PU, Bd. I—III (I), Königsberg, 1882—1944.

Отчасти этот пробел можно восполнить по материалам, относящимся к истории епископств Помезании, Вармии и Самбии⁷⁹.

В целом актовый и дипломатический материал, сопоставленный с хрониками, дает возможность определить характер освободительной борьбы пруссов на разных этапах, расстановку классовых сил в Пруссии и политику враждебных пруссам держав, в частности Ордена, Германии, Польши и папской курии, а также осветить некоторые вопросы литовско-пруссских отношений периода освободительной борьбы.

БОРЬБА ПРУССКОГО НАРОДА ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ

На рубеже XIII в. Пруссия представляла собой конфедерацию одиннадцати этнически родственных земель бывшего племени пруссов — Помезании, Погезании, Вармии, Натангии, Бартии, Самбии, Надровии, Скаловии, Судовии (Ятвягии), Галиндии, земли сасов. Земли распались на волости и сельские общины, которые состояли из индивидуальных и патриархальных семей.

Государства у пруссов не было. Нобили разных земель еще не объединились в одно привилегированное сословие во главе с королем, еще не противостояли сплоченно массе земледельцев и их власть была еще относительно невелика.

Конфедерация земель Пруссии не была прочным политическим союзом, какой возник, скажем, в Литве. Едва ли пруссы всех земель выступали когда-либо едино. Этому препятствовали распри среди нобилей, которые все чаще совершали грабительские набеги на земли своих и зарубежных соседей. Впрочем, источники свидетельствуют, что некоторые земли действовали заодно против враждебных государств: например, Ятвягия⁸⁰ — против Руси; Помезания, Натангия и Вармия — совместно вели войну против Ордена и дипломатические переговоры с ним, подписав Кишпоркский договор 1249 г. Возможно, что возникла и жреческая организация, признанная всеми землями Пруссии.

Набеги пруссов на соседей были относительно успешны пока они, объединяясь в обширные пешие рати и конные дружины, сообща искали добычи в политически раздробленных землях Руси и Польши. Но в целом прусская конфедерация, не успевшая оформиться в относительно прочный союз под властью более состоятельных в экономическом и военном отношении нобилей одной из земель, сохраняла структуру, наименее пригодную для борьбы против вторжений врага. В этом отношении надо отдать должное эмиссарам курии: они выбрали весьма подходящий момент для нападения тевтонских рыцарей и по-своему были правы в оценке политического положения Пруссии, донося папе, что прусское поле созрело для жатвы⁸¹. Часть прусской знати, действуя вопреки интересам страны, вступала в соглашение с неприятелем, шла к нему на службу. Вторжение Ордена и его коварная политика изоляции и разгрома прусских земель поодиночке в течение полувека привели к краху обширной прусской конфедерации.

В начале XIII в. над Пруссией все более сгущались тучи. Польские князья, ослабленные внутренними распрями и участием в бесплодных авантюрах в Галицко-Волынской Руси, оказались не в состоянии вести самостоятельную политику в Поморье. На передний план все больше

⁷⁹ Не касаюсь здесь Кишпоркского договора, который специально рассмотрен мною в статье, печатающейся в сборнике «Проблемы источниковедения» (вып. 7), а также Помезанской Правды и связанных с нею источников, ибо это сделано в другой работе. См. В. Т. Пашуто. Помезания, М., 1955.

⁸⁰ ПСРЛ, т. II, стлб. 810.

⁸¹ PU, t. I, 1, № 4, ср. № 107, 157.

выступало папство. Действия курии на Висле носили не изолированный характер, а были частью политики и курии и империи — наступления на земли Прибалтики. На этот раз расчеты папства связывались с епископом Христианом⁸².

Однако новому прусскому епископу на Висле повезло гораздо меньше, чем его современнику епископу Альберту на Западной Двине. Правда, Христиану удалось привлечь на свою сторону кое-кого из нобилей, главным образом Помезании, и исхлопотать у них земельные пожалования⁸³. Наученная горьким опытом, курия с первых шагов (через посредство гнезненского архиепископа) остерегала епископа и союзных ему польских феодалов от излишне поспешных действий по эксплуатации прусского населения, рекомендуя не отягощать без меры народ повинностями, не лишать свободы и т. п.⁸⁴. Но подобные осмотрительные советы не помогали: пруссы быстро поняли, что Христиан не апостол, а захватчик. Произошло решительное выступление пруссов против части собственной знати, сблизившейся с Польшей и курией, против самого Христиана и привлеченных им в Пруссию польских рыцарей. Папа Гонорий III (1216—1227), осведомленный о том, что возмущенные тяжелыми поборами пруссы выступили против епископа, поспешил объявить крестовый поход на них рыцарей из Германии, Богемии, Моравии, Дании, Польши и Померании⁸⁵, а также торговую блокаду прусского побережья, запретив доставку «опекаемым» курией пруссам оружия, железа, соли и других припасов⁸⁶. Это не помешало папе позднее обратиться с ханжеским воззванием соблюдать мягкость в отношении неопитов⁸⁷, которых курия взяла-де под свое покровительство⁸⁸.

Пруссы упорно противостояли всяким новым попыткам силой оружия поддержать епископа и его сторонников из местной знати и сами предпринимали набеги на земли Польши⁸⁹. Крестовые походы польских князей (Лешко Белого, Генриха Бородатого и Конрада Мазовецкого) и епископов (гнезненского, краковского познаньского, вроцлавского, любушского, плоцкого и кувяского) в 1222 и 1223 г. (когда к ним примкнули и поморские князья Вратислав и Святополк) на пруссов не принесли успеха⁹⁰. Вероятно, как это бывало не раз, именно тогда русские, быть может смоленские, князья водили свои полки в Пруссию, к Рагните. Осада ими бывшей здесь прусской крепости закончилась неудачей, о чем в городе сохранилось предание, записанное Дюсбургом⁹¹.

Попытки Конрада, князя Мазовецкого, организовавшего собственный рыцарский орден Добрыни (Добжини) (1228 г.), изменить положение и укрепить свое влияние в Ятвягии и на Волини не достигли цели⁹². Его обращение к Тевтонскому ордену, приглашенному князем в надежде упрочить свои позиции в Поморье⁹³, было роковым политическим просчетом, который дорого обошелся польскому народу⁹⁴.

⁸² См. T. Manteuffel, *Papierstwo i cystersi*, str. 92, 97—106.

⁸³ PU, t. I, 1, № 9, 10 (документ Иннокентия III от 18 февраля 1216 г.).

⁸⁴ *Ibid.*, № 7 (документ Иннокентия III от 13 августа 1212 г.).

⁸⁵ *Ibid.*, № 15 (1217 г.), ср. № 31 (1219 г.); № 26 (булла Гонория III от 16 мая 1218 г.).

⁸⁶ *Ibid.*, № 25 (булла Гонория III от 15 мая 1218 г.); ср. № 39 и 81.

⁸⁷ *Ibid.*, № 54 (булла Гонория III от 3 января 1225 г.); ср. № 60.

⁸⁸ Видимо, в ответ на подобные же действия Фридриха II, который своим воззванием (март 1224 г.) провозгласил имперское покровительство над жителями Ливонии, Эстонии, Самбии, Пруссии, Земгалии и соседних земель, гарантируя им свободу (*Ibid.*, № 52).

⁸⁹ MPH, t. III, p. 132 (*Rocznik Krasinickich* под 1220 г.).

⁹⁰ MPH, t. II, p. 558; См. также S. Zachorowski. *Op. cit.*, str. 162—163.

⁹¹ PD, III, 181.

⁹² PD, II, 4; ср. ПСРЛ, т. II, стлб. 776; см. также W. Polkowska-Markowska. *Op. cit.*, str. 145—210. Этим автором не были использованы русские источники.

⁹³ H. Lowmiański. *Dotychczasowy stan badań*, str. 2—3, 18.

⁹⁴ W. Ketrzyński. *Der deutsche Orden und Konrad von Masovien*, S. 64, ср. S. Kujot. *Op. cit.*, str. 503 и др.

Тевтонский орден проник в земли нижнего Привислиня тогда, когда Орден ливонский, уже упрочив свою власть в землях эстонцев и, отчасти латышей, начал вторжения в Литву. Тевтонский орден порожден крестовыми походами, организованными европейскими правительствами против арабских народов. Он был основан немцами-крестоносцами в 90-х годах XII в. в Палестине. Предвидя, однако, неудачный исход ближневосточной политики западноевропейских правительств, «доблестные» рыцари с магистром Германом фон Зальца во главе постепенно перенесли центр своей деятельности на европейский континент. Тевтоны обзавелись землями в Германии, Италии и других странах Европы, а затем, по приглашению венгерского короля Андрея и при энергичном содействии папы Гонория III, обосновались в Венгрии, посулив королю нести охрану восточных границ его страны от половцев⁹⁵. Но вскоре, нарушая установленные для них ограничения, немецкие рыцари стали опасны самой Венгрии, которая интересовала их гораздо больше, чем войны с кочевниками. Как писал король Андрей, рыцари в Венгрии были подобны «мыши в торбе, змее за пазухой»⁹⁶. Несмотря на протесты папы, король отказался от услуг сомнительных наемников и в 20-х годах XIII в. вооруженной рукой изгнал их из Венгрии.

Вскоре после этого Конрад, князь Мазовии, и обратился к магистру Герману, предлагая Ордену поселиться на Висле и воевать против пруссов. Герман Зальца ловко воспользовался удобным случаем: он добился утверждения папой и императором «пожалования» польского князя и стал действовать в Хелминской земле и в земле пруссов самостоятельно, на правах имперского князя. Так появились на польской земле злейшие враги польского народа — немецкие крестоносцы. В 1230 г. Зальца послал в Хелминскую область отряд рыцарей Ордена во главе с ландмейстером Германом Бальке и началось кровавое завоевание земли пруссов.

Чтобы яснее представить себе международное значение борьбы прусского народа за независимость, надо принять во внимание следующее.

Вторжение в Прибалтику, а затем на Русь, в Польшу и Литву немецкие крестоносцы осуществили тогда, когда борьба их бывших союзников крестоносцев-франков в Передней Азии была еще в самом разгаре. Крестоносцы двинулись в Прибалтику после того, как египетский султан Сулейман Салах-ад-дин, соединив силы Египта, Сирии и части Месопотамии, разгромил в 1187 г. рыцарей близ Гаттина и изгнал их из Бейрута, Иерусалима и других городов.

Действия крестоносцев и на средиземноморском побережье⁹⁷ и в балтийском Приморье направляла папская курия — могущественная реакционная сила средневековой Европы. Подсчитано, что в среднем в XIII в. курия собирала с народов европейских стран на крестовые походы до 1 млн. фунтов стерлингов в год⁹⁸. Они расходовались курией одновременно на поддержку борьбы против и арабов и народов Прибалтики, а также на осуществление ее политических целей в Германии⁹⁹. Курия отлично сознавала взаимосвязь двух направлений крестоносной агрессии: уже второй крестовый поход 1147 г. был предпринят в обе стороны. Его неуспех в Прибалтике отнюдь не заставил курию отступить от заманчивой цели¹⁰⁰. Курия оказала всяческую поддержку перебазированию Тевтонского ордена из-под Акры в Прибалтику.

⁹⁵ E. Caspar. Hermann von Salza, S. 6 и сл.

⁹⁶ Ibid., S. 9.

⁹⁷ М. А. Заборов. Крестовые походы, стр. 210—211, 246 и др.

⁹⁸ A. Gottlob. Die päpstlichen Kreuzzugs-Steuern des 13. Jahrhunderts, Heiligenstadt, 1892, S. 135.

⁹⁹ Ibid., S. 47—48.

¹⁰⁰ В ответ на просьбу епископа Христиана о помощи в разгар пятого крестового похода папа обещал ему поддержку всего христианства по успешном окончании войны за «святую землю» (ПУ, I, 1, № 37).

Крестоносцы, вторгшиеся в Прибалтику, сумели обеспечить себе достаточно широкий приток людских подкреплений и средств из других стран в немалой степени потому, что крестовый поход в Прибалтику, на Литву и Русь был сразу же приравнен курией к походу на арабов¹⁰¹. Сам Орден рассматривал свою деятельность в Прибалтике как продолжение дела, начатого в арабской земле¹⁰².

Золотой иерусалимский крест в черном кресте тевтонов¹⁰³ это не только признание их «заслуг» в борьбе с арабами, но и символ крестоносного разбоя, перенесенного в новые условия. Рыцари применяли в Прибалтике тактику борьбы, выработанную в Передней Азии; закрепляли свои позиции при помощи замков. Сами замки украшались низкими порталами («тоска по Востоку») и восточным орнаментом¹⁰⁴; им давали названия рыцарских крестостей на арабской земле: Штаркенберг (Montfort), Торн (Торон) и др. Немецкие хронисты, прославляя местных рыцарей, широко использовали в качестве образца хроники франков, описывающие действия крестоносцев против арабов¹⁰⁵. Политический строй рыцарского государства франков служил примером при создании Орденского государства и в модифицированной форме отразился в его статутах¹⁰⁶. Почти в одно время курия издавала буллы, запрещающие продажу итальянскими городами оружия арабам и немецкими — народам Прибалтики; не раз одни и те же папские легаты (например Вильгельм Моденский), едва управившись с делами во Франции, спешили в Прибалтику готовить здесь очередное наступление рыцарей¹⁰⁷. Поддержка купечеством немецких городов (Бремена, Любека и др.) действий крестоносцев весьма схожа с аналогичной политикой городов итальянских — и там и здесь велась борьба за моря. Правители Ордена многократно пользовались помощью, например любекцев, и признавали, что именно благодаря их усилиям «дело веры в Ливонии не раз одерживало успехи»¹⁰⁸.

Несмотря на существенные различия между двумя направлениями крестовых походов, в политике франков и тевтонов много сходного: распри раздирают их ряды и не раз они вступают в союзы с мусульманами или язычниками¹⁰⁹. Под стягом борьбы с «неверными» франки разоряли и захватывали христианские земли Венгрии и Византии¹¹⁰, а тевтоны — Польши и Руси.

Судьбы средиземноморской и прибалтийской кампаний были связаны одна с другой. Организация нового направления крестовых походов и отпор им со стороны народов Прибалтики, Литвы и Руси отвлекали значительную часть сил курии от Передней Азии. В свою очередь сопротивление арабских народов захватчикам сдерживало их натиск в Прибалтике. Это большая тема, еще ожидающая исследовательской разработки.

Окончательный разгром и изгнание с арабской земли франков египетско-сирийскими войсками повлекли за собой новое сосредоточение крестоносцев в Прибалтике в конце XIII в.

¹⁰¹ См. ГЛ, IV, 5 (1199 г.); LU, t. I, № 12 (булла Иннокентия III от 5 октября 1199 г.), № 167 (булла Григория IX от 14 декабря 1240 г.); ср. t. VI, № 3186, col. 623—624 (булла Александра IV от 1258 г.); ср. также № 3183, Reg. 344-а.

¹⁰² LU, t. II, Reg. 714, p. 19.

¹⁰³ SRP, t. II, p. 453. Великий магистр получил его от иерусалимского короля за бой против египтян под Дамией (1218 г.).

¹⁰⁴ E. Caspar. Op. cit., S. 46.

¹⁰⁵ H. Bauer. Op. cit., S. 20.

¹⁰⁶ E. Caspar. Op. cit., S. 48.

¹⁰⁷ G. A. Donner. Op. cit., S. 186.

¹⁰⁸ LU, t. I, № 362; Reg. № 405, p. 99; ср. № 567; t. II, № 610; См. также Chr. Krollmann. Lübecks Bedeutung für die Eroberung Preussens.—Festschrift A. Bezzenberger, Göttingen, 1921, S. 97—102.

¹⁰⁹ М. А. Заборов. Указ. соч., стр. 123 и сл.

¹¹⁰ Там же, стр. 211, 216—228; см. также М. А. Заборов. Папство и захват Константинополя крестоносцами в начале XIII в. «Византийский временник», т. V, М., 1952, стр. 152—177.

Первый этап борьбы (1233—1249 гг.). Завладев Хелминской землей (1233 г.), Немецкий орден, используя поддержку польских князей, отсутствие единства среди прусских земель и предательство части прусской знати, начал наступление на Помезанию. Первое поражение на Сиргуне, где было разбито помезанское войско и пало 5 тыс. воинов¹¹¹, пруссы понесли вследствие того, что Орден получил сильную поддержку от войск польских князей — мазовецких (Конрада и Казимира), вроцлавского (Генриха Бородатого), великопольского (Владислава Одонича) и поморского (Святополка).

На захваченной польской и прусской земле возникли немецкие крепости — Кульм (Хелмно), Торн (Торунь), Мариенвердер (Квидзынь) и др.; рыцари беспощадно разорили местные укрепления и замки — Рогов, Пастелин, замок Пипина и др. Несмотря на ожесточенное сопротивление народа, помезанские нобили пошли на мир с Орденом и вскоре признали его власть (1236 г.)¹¹².

Бои развернулись вдоль Вислы, где рыцари укрепились в Эльбинге, воюя и подчиняя Помезанию (1237 г.)¹¹³; потерпев поражение в открытой битве под Балгой, крестоносцы взяли эту крепость с помощью измены. Попытка вармов во главе с воеводой Пиопсе отбить эту крепость не удалась, а сам воевода пал в бою¹¹⁴. Вновь организовали осаду Балги вармийские дружины семьи крупных нобилей Гоботинов (Богатинов); они возвели здесь два осадных сооружения¹¹⁵. Но с помощью рыцарского пополнения из Германии Ордену удалось нанести поражение вармам, союзным им натангам и бартам и взять у них заложников¹¹⁶. Свой успех рыцари закрепили постройкой замков — Крейцбург (в Натангии), Бартенштейн, Рессель, Визенбург (в Бартии), Браунсберг и Гейльсберг (в Вармии)¹¹⁷ и др.

Пользуясь тем, что епископ Христиан попал в плен к пруссам и до 1238 г. находился в Самбии, Орден захватил его владения и при поддержке курии добился соглашения, по которому две трети доходов с завоеванных прусских земель (включая и десятину) шло рыцарям, а одна треть — епископу, церковная власть которого сохранялась над всей захваченной территорией¹¹⁸.

Папская курия, Григорий IX (1227—1241 гг.), делая основную ставку на Орден, деятельно помогала ему средствами и подкреплениями. Григорий IX взял под опеку земли пруссов, завоеванные Орденом, на условиях уплаты курии ежегодного чинша *in recognitionem domini*; преемник Германа Зальца магистр Герхард получил в 1243 г. от Иннокентия IV инвеституру перстнем¹¹⁹. Свою помощь курия сопровождала призывами к гуманности. Подобная позиция была достаточно дальновидной, позволяя ей сохранить видимость беспристрастия и в трудные для Ордена моменты выступать в роли высшего третейского судьи. Очень скоро такой трудный момент для завоевателей наступил.

Укрепление Литовского государства и его борьба с ливонскими рыцарями, блестящая победа литовцев при Шауляй (1236 г.), разгром ливонцев на Чудском озере русскими — всколыхнули пруссов. С новой силой вспыхнула освободительная борьба во всех западнопрусских землях, захваченных Тевтонским орденом. Восстали также и курши.

¹¹¹ PD, III, 11.

¹¹² PD, III, 11—14.

¹¹³ PD, III, 15—17.

¹¹⁴ PD, III, 20.

¹¹⁵ PD, III 23, ср. Chron. Oliv., p. 25 — SRP, t. I, p. 680.

¹¹⁶ PD, III, 19—26.

¹¹⁷ PD, III, 27.

¹¹⁸ Codex diplomaticus Prussicus, t. I, ed. J. Voigt, Königsberg, 1836, № 41,

¹¹⁹ PU, I, 1, № 108, 147.

В течение 1242—1249 гг. восставшие пруссы при неоднократной поддержке принявшего их сторону поморского князя Святополка, а также Литвы¹²⁰, почти полностью очистили прусские и польские земли от рыцарей, которые потеряли Мариенвердер и все другие укрепления, кроме пяти (Кульма, Торна, Рейдена, Балги, Эльбинга), находившихся в тяжелой осаде. Людские потери Ордена только в Хелминской и Помезанской землях (по, вероятно, завышенным данным Дюсбурга) доходили до 4 тыс.¹²¹. Прусско-поморские войска (включавшие и судовов) напали на Хелминскую землю (1242—1243 гг.)¹²²; в битве при Рейзенском озере 15 июня 1243 г. они под руководством Святополка наголову разбили рыцарей, которые потеряли здесь и своего ландмаршала Берливина и орденское знамя; ходили они и на Куявию (1244 г.)¹²³.

В освободительную борьбу втягивались и другие польские земли: так, в Кульме возник антинемецкий заговор в пользу Святополка, который подошел к замку с двухтысячным поморско-пруссским войском. Но заговор был раскрыт и поход не удался¹²⁴. Орден сумел нанести поражение восставшим при Шветце, а затем, используя новые отряды немецких рыцарей и поддержку других польских князей, сильно опустошить Поморское княжество девятидневным набегом¹²⁵. Раздробленность сил помешала пруссам полностью ликвидировать власть Ордена, но бои шли по всей нижней Висле. Ордену нужна была срочная помощь. Она была оказана курией.

В продолжение нескольких лет представители пруссов вели против Ордена и дипломатическую борьбу¹²⁶; на Лионском соборе 1245 г. уполномоченные Святополка и пруссов-христиан, прежде всего помезанских нобилей, также настаивали на вмешательстве папы в конфликт и на обуздании Ордена¹²⁷. Тогда Иннокентий IV направил в Прибалтику своего легата — Опизо из Месаны, поручив ему установить перемирие с пруссами, суля восставшим сохранение всех свобод, гарантированных еще его предшественниками¹²⁸. В то же время курия оказывала самый энергичный нажим на поморского князя, угрожая ему карами небесными и земными за связь с пруссами и литовцами¹²⁹, натравливала на него других польских князей, набирала новых крестоносцев и т. п. Миссия легата Опизо не увенчалась успехом.

Курия, однако, не оставила своих усилий и затем, когда немецко-польским войскам удалось занять помезанский замок нобиля Кирса (Кирсбург-Кишпорок-Христбург)¹³⁰ и нанести войскам поморского князя ряд поражений, курия в конце 1247 г. направила в Прибалтику нового легата для Польши, Пруссии и Померании — Якова из Люттиха — доверенного Иннокентия IV. Укрепление позиций Ордена на Висле находилось в ряду мероприятий, проводившихся курией в Восточной Европе после крупных провалов в ее политике наступления на Русь и другие земли¹³¹.

¹²⁰ PD, III, 34; PU, I, 1, № 160 (булла Иннокентия IV от 1 февраля 1245 г.); ср. № 161—162.

¹²¹ PD, III, 35.

¹²² Ibid., 35, 40, 44.

¹²³ Ibid., 40, 45.

¹²⁴ Ibid., 44. То же произошло и позднее (в 1271 г.), когда поляк Нинерик выступал в Кульме в качестве союзника Скумонда и его ятвяжско-русского войска (ibid., 166).

¹²⁵ PD, III, 46, 55.

¹²⁶ См. PU, I, 1, № 84, (1231 г.), 95 (1233 г.).

¹²⁷ См. ibid., № 174 (1245 г.).

¹²⁸ Ibid., № 172; ср. № 173.

¹²⁹ Ibid., № 160; ср. № 162.

¹³⁰ PD, III, 58; поморско-пруссские войска заняли Старый Христбург (ibid., 62), но затем потерпели поражение (ibid., 65).

¹³¹ В. Т. Пашуто. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси, М., 1950, стр. 244 и сл.

Новому легату были предоставлены широкие полномочия; он должен был восстановить мир между Орденом и союзными ему польскими князьями, с одной стороны, и Святополком Поморским и пруссами — с другой¹³². Новый легат (впоследствии он стал папой Урбаном IV) оказался весьма деятельным и ловким дипломатом. Ему удалось склонить князя Святополка, политика которого вообще не отличалась последовательностью, отказаться от поддержки пруссов и подписать мир с Орденом¹³³.

Пруссы западных областей и прежде всего жители Помезании, отчасти Вармии и Натангии, испытавшие наиболее тяжелые удары врага, также оказались вынужденными подписать в Кишпорке мирный договор в 1249 г.¹³⁴.

Договор изучается нами в другом месте¹³⁵; здесь мы отметим только важнейшие его черты, характеризующие условия, на которых прусский нобилитет пошел на соглашение с Орденом. Установление господства Ордена над частью прусской земли сопровождалось значительными изменениями в ее экономике, политике и культуре. Если даже брать только формально-юридическую сторону вопроса, это выразилось в следующем: а) привлечении местной знати в состав рыцарства и на духовные должности; б) введении польского права и расширении прусского наследственного права при одновременном сужении права купли-продажи недвижимой собственности и узурпировании Орденом права мертвой руки; в) аннулировании языческих верований и обычаев и введении христианства; г) замене сбора дани первоначальной формой натурального оброка и распространении на пруссов тяжелого бремени неограниченной военной повинности.

Если взглянуть на фактическое положение вещей, то станет ясно, что даже это соглашение пруссов с Тевтонским орденом имело очень шаткую основу — «верность» пруссов рыцарям. В этой связи можно только изумляться, читая новейший труд М. Тумлера по истории Ордена. Согласно его взгляду, Кишпоркский договор стал возможен потому, что «со всех сторон господствовало возвышающее душу миролюбие и единодушное стремление установить справедливое и упорядоченное правление под руководством Ордена. Таким образом, этот мирный документ, несмотря на различные немаловажные недостатки, есть, поистине, Magna Charta»¹³⁶.

Фактически борьба не затихала и после подписания договора. Так, уже 29 сентября 1249 г. немцы были разбиты в Натангии у деревни Круке (южнее Крейцбурга), где пали 54 рыцаря и множество простых воинов, а предводитель тевтонов Генрих Ботель попал в заложники¹³⁷. Борьба шла во всех западнопрусских землях, кроме, может быть, Помезании¹³⁸, нобилитет которой особенно тесно примкнул к Орденом. Неустойчивость нобилитета коренилась в обострении противоречий между ним и массой земледельцев. Это ясно обнаружилось на следующем этапе освободительной борьбы, когда в нее вступили Самбия и другие земли.

Второй этап борьбы (1249—1260 гг.) С первых же дней борьбы пруссов за независимость часть нобилитета, сидевшего в своих замках, окруженных селами, потянулась на сторону Ордена, предавая интересы народа. Хроника Петра Дюсбурга особенно богата «назида-

¹³² PU, I, 1, № 195—199 (1247 г.), № 200 (1247 г.).

¹³³ Ibid., № 213 (24 ноября 1248 г.).

¹³⁴ Ibid., № 218 (7 февраля 1249 г.).

¹³⁵ См. В. Т. Пашуто. Кишпоркский договор как исторический источник. «Проблемы источниковедения», вып. 7 (печатается).

¹³⁶ M. Tumlér. Der deutsche Orden, Wien, 1954, S. 271.

¹³⁷ PD, III, 66.

¹³⁸ О попытке Святополка Поморского вновь вступить в борьбу с Орденом и набеге его войск через Помезанию в 1252 г. см. Cod. Pom. t. I, ed. Hasselbach, № 476.

тельными фактами» о деятельности этой группы нобилей. Таков нобиль — *capitaneus* крепости Рогово, которую он сдал Ордену и заодно помог ему разорить замок Пипина; это — другой *capitaneus*, сдавший Ордену Балгу — важный опорный пункт Вармии; это многие вармийские знатные люди (*plures nobiles et potentes viri de Warmia*), которые *cum omni domo et familia sua*, перешли в эту крепость¹³⁹. Нобилитет не был един. Другая его часть боролась с врагом: такие люди, как *houbtman* — *capitaneus Warmiensim* Пиопсо, как *viri prepotenses* Гоботины¹⁴⁰. Поэтому во время первого восстания (1242—1249 гг.) пруссы в первую очередь истребляли и захватывали не нобилей, а немецких рыцарей¹⁴¹.

После подписания мира 1249 г. развернулось наступление Ордена на Самбию и другие прусские земли. Здесь ему помогли многие самбийские нобили, такие как Годуне, получивший даже охранную грамоту на свои наследственные владения, что, впрочем, не избавило их от разорения¹⁴². Многие самбийские крепости достались Ордену вследствие измены нобилей. Петр Дюсбург восхваляет предателей вроде Матто, который вдохновлял других нобилей, напоминая им о благах, полученных от рыцарей¹⁴³.

На судьбах Пруссии отразилось временное ослабление Литвы вследствие феодальной войны 50-х годов XIII в. и вынужденного мира с Орденom и курией, по условиям которого правительство Миндовга отказывалось от поддержки Жемайтии. Пользуясь этим, Орден развернул наступление не только на Жемайтию, но и на центральную Пруссию.

Первый поход в Самбию закончился поражением рыцарей при деревне Гирмов¹⁴⁴. Подтянув силы из Германии и Австрии и используя поддержку чешского короля Пшемисла II, которому курия сулила митрополию в Оломуце, а Орден — выход к морю, немецкие рыцари собрали 60-тысячное войско и подчинили Самбию, основав (в 1253 г.) в ней сильную крепость, названную в честь чешского короля Кролевец (Кенигсберг)¹⁴⁵. Наступая вдоль побережья, рыцари заложили Мемельбург, захватив часть приморской Жемайтии. Запирая устье Немана, эта крепость угрожала Жемайтии и должна была служить местом стыка владений ливонских и прусских крестоносцев, формально объединившихся еще в 1237 г.

Прусы соседних земель — Скаловии, Надровии и Судовии понимали, какую угрозу таит в себе укрепление Ордена в Самбии. По уходе войск Пшемисла II они, собрав большие силы, вторглись в Самбию и построили у слияния Преголы и Алле свое укрепление Вилов (Велау). Но и на этот раз предательство начальника гарнизона нобилья Тирске и его сына повело к падению крепости¹⁴⁶. Получив подкрепления из Германии (из Бранденбурга), Орден разорил замки пруссов Капостете, Унсатрапис, Гундов, Ангетете и Охтолите (Ауглиттен?)¹⁴⁷.

Когда Жемайтия восстала против договора Миндовга с Орденom, это восстание сомкнулось с борьбой пруссов Самбии против Ордена. Жемайтско-самбийские полки ходили на Мемельбург, прозванный ими «вороньим гнездом»¹⁴⁸. Самбы собрали против Мемельбурга большое

¹³⁹ PD, III, 7—8, 19, 21; ср. NE, vv 5165—5172.

¹⁴⁰ PD, III, 19, 23 (NE: mit vil wēpenērin starc).

¹⁴¹ PD, III, 35.

¹⁴² PD, III, 71.

¹⁴³ PD, III, 73—74, 84.

¹⁴⁴ PD, III, 68.

¹⁴⁵ PD, III, 70—72. См. также S. Zajączkowski. *Studia nad dziejami Żmudzki wieku XIII*, Lwów, 1925, str. 79, 81, 90.

¹⁴⁶ PD, III, 73.

¹⁴⁷ *Ibid.*, 74, 75, но последняя была восстановлена; ср. 177.

¹⁴⁸ LR, SS. 88—90.

войско, которое насчитывало 40 тыс. щитов. Ливонский магистр Анно фон Зангергаузен, пытавшийся напасть на самбов, едва спасся в Мельбург¹⁴⁹.

Здесь надлежит заметить, что и на втором этапе борьбы пруссам не благоприятствовала международная обстановка в Восточной Европе, политика Руси и Польши. Русь в XII в. стала ареной разорительных набегов литовско-ятвяжских дружин. Договор Галицко-Волынской земли с Литвой 1219 г. стабилизировал часть литовской границы¹⁵⁰, но набеги пруссов и походы русских дружин в прусские земли (1228, 1238 гг.) продолжались. Мазовия, которая воевала с пруссами, как и Русь, искала сближения с Литвой и даже пользовалась поддержкой литовско-ятвяжских сил, видимо, правительства Миндовга (в 1229, 1241, 1243, 1246 гг.)¹⁵¹.

Вторжение Ордена в Пруссию галицко-волынские и мазовецкие князья пытались использовать в своих интересах, чтобы завладеть Ятвягией (Судовией). Так возникли русско-польские походы на нее в 1248, 1253 и 1258 гг.¹⁵². Ятвягия была сильно разорена и частично подчинена галицко-волынским и мазовецким князьям. Объективно они оказались в одном лагере с Орденом, по договору с которым в Рационже (1254 г.) князья Даниил Романович и Конрад Мазовецкий сохранили одну треть Судовии, признав Орден союзником по наступлению на Пруссию¹⁵³. Последующее сближение Мазовии с Орденом в 1260 г., когда князь Земовит уже один заключил с ним договор, сохранив за собой шестую часть Ятвугии¹⁵⁴, привело к обострению литовско-мазовецких отношений — Мазовия стала объектом нападений Литвы и ятвягов.

В конце концов плоды русско-польских походов на Ятвугию в значительной мере достались Ордену, который, использовав ослабление Руси и Польши в результате татарских набегов, захватил большую часть Ятвугии.

Когда жемайтское восстание разрослось и сомкнулось с борьбой пруссов, Орден решил покончить с ним при помощи всех сил немецких и датских рыцарей. В Кенигсберге были собраны отряды ливонских, прусских и датских (из Ревеля) рыцарей, а также вспомогательные части, выставленные нобилиями ливов, эстов и куршей. Однако планы Ордена не сбылись, ибо все это войско было разбито литовцами 13 июля 1260 г. у озера Дурбе; причем курши перешли на сторону литовцев и ударили в тыл рыцарям¹⁵⁵. Немецкое войско было совершенно разгромлено, убиты все его начальники (магистр Бургард фон Горнгузен, маршал Генрих Ботель, датский герцог Карл), 150 рыцарей и множество простых воинов.

Следствием этой крупной победы литовского народа было новое восстание населения, попавшего под иго Ордена. От Ордена отпала Земгалия, южная часть земли куршей, остров Сааремаа; восстали против его власти пять прусских провинций (Самбия, Вармия, Натангия, Бартия и Погезания). Повсюду народ истреблял рыцарей и их приспешников из местных нобилей.

¹⁴⁹ LR, SS. 89, 94.

¹⁵⁰ Об использовании прусских сил галицко-волынскими князьями в борьбе с наступлением Польши и Литвы см. В. Włodarski. *Polityka ruska Leszka Białego*, Lwów, 1925, str. 68—73.

¹⁵¹ МРН, т. II, р. 556 (Jaczwanszytas, Scovitas, Pruthenos, Litwanos, Szamuitas).

¹⁵² ПСРЛ, т. II, стлб. 810—813, 827—828, 831—836; ср. В. Włodarski. *Alians rusko-mazowiecki z drugiej połowy XIII w.*— *Studii histor. ku czci St. Kutrzeby*, т. II. Kraków, 1938, str. 611 и сл.; см. Его же. *Rywalizacja o ziemie pruskie w połowie XIII wieku.*— *Roczniki Tow-wa Nauk. w Toruniu*, 61, 1, Toruń, 1958, str. 1—76.

¹⁵³ PU, т. I, 1, № 298.

¹⁵⁴ CDP, т. I, № 129.

¹⁵⁵ LR, S. 129; PD, III, 84; Z. Ivinskis. *Durbės kautynės 1260 m. ir jų politinis vaidmuo Žemaičių karai su vokiečiais 1256—1270 m. laikotarpyje.*— *Karo Archyvas*, tt. VIII—IX, Kaunas, 1937—1938.

Третий этап борьбы (1260—1283 гг.). Первоначально восстание 1260 г. охватило всю завоеванную Орденом Пруссию, кроме Помезанской, а также Хелминской, земель. Прусское войско Генриха Монте (Геркуса Мантаса) нанесло поражение рыцарям при Покарвис (Покарвен) (1261 г.)¹⁵⁶; восставшие захватили замки — Гейльсберг (под которым действовали три отряда пруссов с осадными машинами), Браунсберг, разорили Христбург¹⁵⁷. Вармийские и натангские войска осадили Балгу¹⁵⁸; потеряв в битве у Склюниен (Кальген) до 3 тыс. воинов, самбы все же организовали осаду Кенигсберга; погезане и судовы предприняли поход на Помезанию и осаждали Эльбинг¹⁵⁹; попал в осаду и Бартенштейн; литовцы и судовы окружили Велау на Преголе¹⁶⁰.

Главным руководителем освободительной борьбы являлся, по-видимому, натанг Геркус Мантас. Этот человек был особенно опасен Ордену, так как по крещении он учился в Магдебурге, знал немецкий язык¹⁶¹ и лучше других понимал политику рыцарей и их способы ведения войны. Во время боев под Кенигсбергом в распоряжении Геркуса Мантаса находилось «большое войско». В памяти рыцарей он остался как главное действующее лицо движения¹⁶².

В борьбу на стороне пруссов вмешался и поморский князь Мествин II, сын Святополка. Его войска участвовали в прусских походах на Помезанскую и Хелминскую земли¹⁶³. Немецкие рыцари несли большие потери. Так, по подсчетам папы Александра IV, к 1257 г. погибли 500 рыцарей, а в 1261 г. папа Урбан IV называл уже цифру в 1000 убитых рыцарей¹⁶⁴. Напуганные восстанием, епископы бежали из страны и не появлялись до его подавления¹⁶⁵.

«Едва сдерживая слезы и с трудом поверив, что такое большое число рыцарей Ордена нашло смерть от рук неверных», папа срочно призывал графа Бранденбургского и других немецких князей обратить оружие против пруссов; он поручил архиепископам Майнца, Бремена, Кельна, Трира, Магдебурга, Зальцбурга и другим проповедовать крестовый поход¹⁶⁶. Получая средства и подкрепления, немецкие крестоносцы повели одновременное наступление на восставших пруссов, эстонцев и латышей. Они использовали временное ослабление Литвы в связи с новой феодальной войной, охватившей страну по смерти Миндовга (1263 г.). Ливонским рыцарям удалось вновь подчинить остров Сааремаа¹⁶⁷ и нанести тяжелые потери куршам.

Через несколько лет Литва, восстановив единство, широко поддержала борьбу куршей, земгалов и пруссов против Ордена и нанесла ряд тяжелых поражений Ордену в битвах у Карузена, при Ашерадене и др. Но все же литовское правительство не имело достаточных сил, чтобы сохранить свое влияние в соседних латышских землях. К 1267 г. окончательно утратили свою свободу курши¹⁶⁸; получив подкрепления из

¹⁵⁶ PD, III, 91; см. также Ю. Жюгжда. Борьба литовского народа с немецкими рыцарями в XIII—XV вв., стр. 29.

¹⁵⁷ PD, III, 94 (Рыцари вернули Гейльсберг в 1273 г.—*ibid.*, 171), 140, 141—143.

¹⁵⁸ *Ibid.*, 137—139.

¹⁵⁹ *Ibid.*, 98, 104, 105, 121, 169.

¹⁶⁰ *Ibid.*, 95, 122.

¹⁶¹ *Ibid.*, 91, 167.

¹⁶² *Ibid.*, 104. Именно его упомянул в 1339 г. великий магистр Дитрих фон Альтенбург, говоря о восстании пруссов (*dum transactis temporibus Henricus Muriche (I) et universi prutheni ac Sambite a christiana fide prophanasset et contumaciter apostatasent*)—CDP, t. III, 29.

¹⁶³ PD, III, 128, 148.

¹⁶⁴ LU, t. I, № 314; t. VI, Reg. № 407a.

¹⁶⁵ См. S. Kujoт., *Op. cit.*, стр. 917, 1001.

¹⁶⁶ LU, t. I, № 355 (булла от 9 сентября 1260 г.); № 357 (булла от 9 сентября 1260 г.); ср. В. Т. Пашуто. Очерки, стр. 285—286.

¹⁶⁷ LR, SS. 143—144.

¹⁶⁸ LU, t. I, № 405.

Германии, а также и Франции¹⁶⁹, рыцари разорили и Земгалию так, что десятки тысяч жителей, срыв последние укрепления, переселились в Литву. Отныне северная и западная границы Жемайтии оказались под прямой угрозой Ордена.

Главной ареной борьбы стала земля пруссов.

Прусское войско Диване Клекине (Медведя) захватило в Бартии крепость Визенбург, пал и Крейцбург; отряд варма Глаппе разорил Бранденбург (1266 г.). Славный полководец Геркус Мантас «с сильным войском» нанес поражение рыцарям при Lubovie (Любау), где пали ландмейстер Гельмер, 40 рыцарей и почти все войско¹⁷⁰; войско Мантаса разгромило в Помезании опорные пункты рыцарей — Мариенвердер, Штаркенберг, Шпиттенберг, Редино (Рейден) и др. (1263 г.). После долгой осады пал Бартенштейн (1264 г.)¹⁷¹.

Папская курия принимала чрезвычайные меры к отправке свежих подкреплений в Прибалтику, в частности из Тюрингии и Брауншвейга. Вновь был направлен сюда в 1267—1268 гг. и Пшемисл II. Он заставил выйти из войны поморского князя, но с пруссами боев не вел. Любопытно, что папа Клемент IV толкал чешского короля не только на пруссов, но и против Литвы: он разрешил Пшемислу в случае завоевания Литвы занять литовский престол кем-либо верным римской церкви, но не нарушая при этом прав Ордена¹⁷². Сами рыцари в эти годы широко раздавали жалованные грамоты прусским нобилям, вербуя их в свое войско.

При просмотре жалованных грамот Ордена прусским нобилям (их опубликовано более 200) легко заметить, что, несмотря на разнообразие формуляров, суть всех грамот состоит в том, что прусским нобилям жалуются земли, населенные крестьянами, с правом суда над ними «малого» или «большого», с правом личного вергельда. «Малые права» — это право суда над подданными и получения судебных доходов с них по делам, касающимся «крови» и «синяков», о которых говорит Помезанская Правда. «Большие права» касались дел с ответственностью «рукой» и «шеей»¹⁷³. Свободные от крестьянских повинностей нобили должны были нести Ордену неограниченную военную службу и силами своих крестьян участвовать не только в военных предприятиях, но и в строительстве замков, дорог и др.

Необходимость этих пожалований была вызвана освободительной борьбой пруссов и особенно восстанием 1260 г., которое понудило Орден признать в какой-то мере земельные права прусских нобилей, выделить им часть (впрочем очень небольшую)¹⁷⁴ ренты, чтобы расколоть фронт восставших и подавить движение. Факты показывают, что это Ордену удалось; особенно сильную опору получил он среди нобилитета Помезании и Самбии. Привлечение части нобилитета на службу Ордену сопровождалось мобилизацией крестьянских земель, что, понятно, привело к обострению классовых противоречий в прусском обществе и, как увидим, породило открытые вспышки классовой борьбы. Судя по Помезанской Правде, Орден был вынужден признать право на личную свободу и значительной части рядовых земледельцев, большинство ко-

¹⁶⁹ LR, S. 247.

¹⁷⁰ PD, III, 116—117, 118, 130, 123, 96.

¹⁷¹ Ibid., 147 (в Мариенверделе уцелела цитадель), 150—151, 155; 121, ср. 173.

¹⁷² VMPL, t. I, № 151 (булла от 20 января 1268 г.); посулы о расширении оломучской митрополии см. там же (№ 153). Договор Пшемисла с Орденom о завоевании Галиндии, Судовии и Литвы. Cod. dipl. Warmiensis, t. I, 1 (1231—1340), Mainz, 1860, № 114 (от 18 сентября 1267 г.).

¹⁷³ См. PU, t. I, 2, № 137; ср. № 314, 319, 381, 455 и др.; PU, t. II, 1, № 224; PU, t. II, 2, № 581 и др.

¹⁷⁴ Размеры пожалований очень невелики — см. H. Łowmiański. Studia, t. I, str. 258—259; ср. R. Plümcke. Zur ländlichen Verfassung des Samlandes unter der Herrschaft des Deutschen Ordens, Leipzig, 1912, SS. 60—63.

торых позднее постепенно потеряло эту свободу и слилось с несвободным крестьянством.

Литовское правительство также не было безучастным зрителем этой борьбы. Источники отмечают серию походов литовско-русско-ятвяжских войск на немецкие замки в Пруссии. Еще правительство Миндовга в 1263 г. направило 30-тысячное войско Тройната в Мазовию, Хелминскую землю и Помезанию; это войско опустошило и польские земли и прусские владения рыцарей¹⁷⁵. На следующий год литовцы вместе с ятвягами и, вероятно, русскими (ибо упомянуты *sagittarii cum telis*) помогали пруссам Самбии при осаде Велау¹⁷⁶; в походе на Хелминскую землю 4-тысячного отряда ятвяжского князя Скумонда в 1277 г. участвовало и *virtute exercitus* из Литвы¹⁷⁷. Ятвяжские войска не раз вторгались в западнопрусские и хелминские земли, осаждая Вартенберг, Любовие (Любау), Торн и Биргелов, Кульм, Эльбинг и Бартенштейн¹⁷⁸. Литовцы поддерживали ятвягов в походе на Самбию в 1280 г.¹⁷⁹; в 1281 г. мужественный вождь восставших земгалов Намейсис в качестве вассала Тройдена совершил поход на Помезанию¹⁸⁰, в 1283 г. литовцы еще раз вторгались в Самбию. Терпевшие поражения от Ордена пруссы — жители Надровии, Погезании, Судовии, Бартии¹⁸¹ — искали спасения в Литве; правительство Тройдена использовало их для освоения Черной Руси. Часть пруссов нашла убежище в польском Поморском княжестве¹⁸².

Во время второго восстания пруссы расправлялись уже не только с немецкими рыцарями¹⁸³, но и с нобилями. Когда народ восстал и избрал себе славных руководителей, таких как натанг Геркус Мантас, варм Глаппе, барт Диване Медведь и другие, прусская знать, скомпрометировавшая себя сотрудничеством с Орденом, стала искать спасения в немецких крепостях, ибо народ в гневе уничтожал всех, кто поддерживал ненавистное немецкое иго¹⁸⁴. Именно тогда часть нобилей (*preter paucos viros preclaros et nobiles*), оставив наследственные владения, укрылась в Кенигсберге¹⁸⁵. Но это удавалось далеко не всем. Когда помезанские нобили пытались укрыться в осажденном голодном Христбурге, то их постигла обычная участь предателей. Немецкие рыцари подтвердили неприкосновенность прав и свобод этих нобилей, однако не пустили их в крепость, предоставив самим себе¹⁸⁶.

То же происходило и в Погезании, где немногие спасшиеся нобили, побросав *hereditate paterna*, бежали в Эльбинг¹⁸⁷. Мелкие нобили, сидевшие в своих маленьких замках, не имели шансов на спасение: если их обходили западнопрусские войска, то все равно убивали литовцы, русские и ятвяги. Например, большой ятвяжско-русский отряд (*maxima exercitu*) Скумонда в 1271 г. ходил на Хелминскую землю; не сумев взять Кульм, он разорил замок Гемсот и *castrum alterius feudatarii militis dicti Cippel*¹⁸⁸.

В Пруссии развернулась подлинно народная борьба, в которой активно участвовали даже женщины. Так, одна из жительниц Бранден-

¹⁷⁵ PD, III, 160.

¹⁷⁶ Ibid., 122.

¹⁷⁷ Ibid., 192.

¹⁷⁸ Ibid., 158, 159; ср. 40, 162, 164, 166, 169, 173.

¹⁷⁹ Ibid., 204.

¹⁸⁰ LR, S. 221, vv. 9669—9674.

¹⁸¹ PD, t. III, 215, 179, 191, 211, 219, 223—225.

¹⁸² См. St. Kujot. Op. cit., str. 945.

¹⁸³ Кстати, вероятно, не все немцы были враждебны пруссам, если даже среди рыцарей находились их сторонники (PD, III, 82).

¹⁸⁴ PD, III, 90.

¹⁸⁵ Ibid., 100; см. также 113.

¹⁸⁶ Ibid., 145; NE, vv. 14029 и сл.

¹⁸⁷ PD, III, 168.

¹⁸⁸ Ibid., 166.

бурга, которую Николай Ерошин бранно называет *tūvils tochtir*¹⁸⁹, известила отряд Глаппе, когда местные рыцари ушли в поход и тот разорил крепость¹⁹⁰. Простые люди жертвовали жизнью в борьбе с врагом; однажды известный своими разбоями отряд рыцаря Мартина Голина захватил трех пруссов, из них двое были убиты, а третьего оставили проводником (*tercium, ut eos ad viam rectam duceret, conservantes*); этот патриот завел врагов *in terram inimicorum*, за что был убит¹⁹¹.

Пруссы вели борьбу разрозненными силами; они не удерживали взятых замков. Им не удалось захватить крупнейшие приморские крепости — Кенигсберг, Балгу, Эльбинг и Мемельбург. Широкий подкуп Орденом нобилитета ослаблял сопротивление восставших, особенно в Самбии. При помощи политики кнута и пряника Орден подчинил эту землю (1265 г.), где на месте прусской крепости Сургурби рыцари построили свою под названием Тапиау¹⁹². В начале 70-х годов победа начала клониться на сторону Ордена. Правда, на 1271 г. падает поход Диване с войсками бартов в Хелминскую и Помезанскую земли, когда они нанесли поражение рыцарям при Сиргуне и вновь заняли Христубург¹⁹³. Но это — последние успехи восставших.

Один за другим гибнут вожди восстания. После сражений в Натангии был захвачен Геркус Мантас; он мужественно защищался и был пронзен мечом. Рыцари повесили тело мертвого героя на дереве. Предатели выдали рыцарям Глаппе; он был повешен в Кенигсберге на холме, получившем название Глаппенберг (Рольберг). При штурме замка Шёнезе с отрядом в 800 воинов был сражен выстрелом баллисты Диване Медведь; ранее погиб Побраве, приведший под Балгу войско натангов и вармов¹⁹⁴.

Подавление восстания открыло рыцарям путь в Надровию, Скаловию и Судовию по Преголе и Неману. Здесь также часть знати, ведавшая обороной земли, перешла к Ордену: так поступил Тирско, *castellanus (burggrêve)*¹⁹⁵ de Wilow со всеми *sibi adherentibus*, а также и «многие сильные и знатные мужи из Надровии прибывали к братьям... вместе со своими семьями»¹⁹⁶. Простой народ Надровии сражался мужественно, тому яркий пример — оборона в 1275 г. замка Каменисвики (восточнее Инстербука); его гарнизон в 200 человек оборонялся до конца, и рыцари взяли замок лишь «после долгой войны и с большим трудом»¹⁹⁷. Чтобы избежать немецкого ига, уцелевшее население уходило в Литву¹⁹⁸.

То же случилось в Скаловии, где было много битв, которые Дюсбург не счел возможным даже перечислить¹⁹⁹. Скаловы стойко обороняли крепости Рагните и Рамиге и даже совершили набег на Лабегов (Лабиау), разорив этот замок²⁰⁰. Самоотверженно защищали пруссы крепость Сассов, которая была захвачена ландмейстером Конрадом фон Тирберг с помощью 1500 конных воинов и пешего войска, прибывшего на 15 судах²⁰¹.

Исход борьбы решила измена знати: когда *rosiores terre* перешли

¹⁸⁹ NE, v. 13147.

¹⁹⁰ PD, III, 130.

¹⁹¹ *Ibid.*, 156.

¹⁹² *Ibid.*, 112.

¹⁹³ *Ibid.*, 143.

¹⁹⁴ *Ibid.*, 135, 136, 165, 139.

¹⁹⁵ NE, v. 15842.

¹⁹⁶ PD., III, 175.

¹⁹⁷ *Ibid.*, 178.

¹⁹⁸ *Ibid.*, 179.

¹⁹⁹ *Ibid.*, 179.

²⁰⁰ *Ibid.*, 182, ср. NE, v. 16079—16124; PD, III, 183, 184.

²⁰¹ *Ibid.*, 187.

на сторону врага, то *communis populus*, видя, что бежали те, кто предводительствует войском, тоже подчинился Ордену²⁰². Вспышки освободительных восстаний происходили в разных местах: так, вновь восстала Погезания (1277 г.), к которой примкнула часть Бартии (возглавляя движение барт), но рыцари зверски опустошили край; лишь часть уцелевшего населения сумела бежать в Черную Русь²⁰³.

Последней утратила независимость Судовия (Ятвягия), которую Дюсбург считал сильнейшей из прусских земель²⁰⁴, хотя ее и ослабили нападения со стороны Руси и Польши. Одна за другой пали ятвяжские волости — Мерунискен (1279 г.), Покимен (1279 г.), Красима (1281 г.), Силие, Кименау и Кирсау (1283 г.)²⁰⁵, которыми правили весьма многочисленные нобили. И отсюда потянулись предатели (*cum omni domo et familia*) на этот раз — в Балгу²⁰⁶. Отношение простого народа к ним видно из следующего факта. В волостной крепости Кименау один из рыцарей подбил нобиля Контегерде, у которого был в плену, к переходу на сторону Ордена. Нобиль согласился и направился со своим гарнизоном и жителями замка в Самбию. Но произошло нечто непредвиденное. По пути народ восстал, перебил тех, кто его вел, и ушел в Литву (*dicti castrenses de Kumenovia interfecto ductore suo per viam aliam ad terram Lettowie sunt profecti*)²⁰⁷.

Такое расслоение пруссов в период освободительной войны понятно: эти нобили искали себе сюзерена любой ценой, так как своего народа они боялись больше, чем Ордена. И Орден шел им навстречу, жалуя, как мы видели, земли и доходы, а также привлекая на свою сторону и часть свободных земледельцев на условиях феодальной службы²⁰⁸. Простой народ имел возможность оценить положение и понять, что нобили такие же его враги, как и рыцари.

Спротивление восточнопрусских земель завоевателям продолжалось до 1283 г., когда последний независимый ятвяжский нобиль Скурдо, покинув родину, ушел со своим отрядом за Неман, в Литву²⁰⁹.

С утверждением господства Ордена сопротивление пруссов переросло в классовую борьбу крестьянства против немецких и прусских феодалов. Яркий пример — крестьянское восстание в Самбии и Натангии 1295 г. Петр Дюсбург сообщает, что когда войска рыцарей отправились в поход в Польшу, на Визну, то «в различных местах» Натангии проявился «дьявольский дух». Во главе восстания встал Сабине, а руководили сговором как его *principales et capitanei* Гаувине, Станто, Тринто, Миссине и *plures alii*.

Неожиданное выступление принесло успех восставшим. Отряд Станто занял крепость Бартенштейн, в которой, вероятно, имел сторонников; Миссине со своим отрядом прошел в землю Склуниен, где захватил кенигсбергские табуны; другие отряды действовали в иных землях (*ceteri discurrentes per terram*), убивая рыцарей и священников, т. е. всех феодалов. Напуганные восстанием, власти Ордена вернули из польского похода отряд кенигсбергского комтура, который готовился выступить в Натангию. Тогда среди восставших произошел раскол, в частности *viri de territorio Sculunien* смирились и возвратили комтуру захваченных коней. Отсюда можно заключить, что к крестьянскому восстанию примкнула и часть нобилитета. Его измена повлекла за собой возвращение Натангии под власть Ордена.

²⁰² PD, III, 188.

²⁰³ *Ibid.*, 191, ср. 223.

²⁰⁴ *Ibid.*, 193.

²⁰⁵ *Ibid.*, 197, 209, 212, 217, 218.

²⁰⁶ *Ibid.*, 207 (в их числе и Скумонд — главный нобиль волости Красимы — *ibid.*, 211).

²⁰⁷ *Ibid.*, 217.

²⁰⁸ *Ibid.*, 220.

²⁰⁹ *Ibid.*, 219.

Дольше продолжалось восстание в Самбии, где главную роль играли крестьяне, которые стремились перебить всех своих нобилей, а рыцарей и других иноземцев захватить силой (*Sambite ex maxime rustici conspiracionem facerunt, ut omnes nobiles suos occiderent, et postea fratres et cristifideles invaderent manu forti*). Следовательно, в первую очередь восставшие истребляли нобилей.

Как это не раз бывало в средние века, избранный крестьянами вождь Наудиоте, сын Иодуте, оказался предателем; через две недели он покинул восставших, пробрался в Кенигсберг, где выдал планы восставших и имена их руководителей; восстанием в Самбии следовательно, руководила целая группа организаторов. Предательство облегчило дело Ордена — крестьяне были побеждены. На место прибыл сам магистр и началась расправа (*omnes illos, quos hujus destestabilis criminis reos invenit, fecit justo dei iudicio diversis suppliciis trucidari*²¹⁰). Согласно сообщению Николая Ерошина, кары обрушились и на крестьян Натангии²¹¹. Предавший восстание Наудиоте удостоился отличий наряду со многими другими местными нобилем, пожалованными в 1296 и 1299 гг.

Подавление самбийско-натангского восстания не остановило классовой борьбы прусского крестьянства. Это ясно видно из серии статей прусского кодекса XIV—XV вв. — Помезанской Правды²¹². Неугасимо было недовольство ограбленного и угнетенного прусского крестьянства, которое сказало свое слово и во время событий Великой Крестьянской войны. Поражения, нанесенные Ордену Польшей и Литвой, ускорили взрыв восстания 1525 г., в котором совместно выступали прусские и немецкие крестьяне, несвободные и лично свободные, против господ; притом главным центром движения, как и встарь, были Самбия и Натангия²¹³.

В течение XIII в. крестоносцы овладели землями между Вислой и Неманом, между Нарвой и Двиной, подчинили эстонцев, латышей и пруссов. Их взоры устремились на Жемайтию, которую они окружили с трех сторон, и на Русь.

Международные условия также изменились. Значительно возросла поддержка Ордена со стороны Германии, где кончилось междуцарствие и престол занял Рудольф Габсбург. Подходили к бесславному концу крестовые походы против арабских народов. Папство и его союзники делали все возможное, чтобы сокрушить не только языческую Литву, «схизматическую» Русь и Византию, но и «неверных» сарацинов — багдадский халифат и египетский султанат, не гнушаясь при этом и сотрудничеством с монгольскими ханами. Именно наступление последних привело к падению Багдада (1258 г.). Однако египетско-сирийские войска отразили натиск полчищ и монгольских ханов и европейских королей. 18 мая 1291 г. под ударами войск Малек эль Ашрафа пала Акра, что ознаменовало крах крестовых походов против арабов.

Прибалтика осталась единственной крупной базой крестоносцев, куда отныне потянулось и французское и английское рыцарство. Но

²¹⁰ PD, III, 262; ср. H. Łowmiański. *Studia...*, t. I, str. 253.

²¹¹ NE, v. 20679.

²¹² В. Т. Пашуто. Помезания, стр. 68—71.

²¹³ Подробнее о восстании 1525 г., незаслуженно забытом нашей историографией (как и восстание 1295 г.), см. E. Wilke. *Die Ursachen des preussischen Bauern — und Bürgerunruhen 1525 mit Studien zur ostpreussischen Agrargeschichte der Ordenszeit.* — *Altpreussische Forschungen*, 7 Jahrgang, Königsberg, 1930, H. 1—2, SS. 35, 42—45, 53, 63 и др.

Всесторонняя разработка истории пруссов — серьезная задача нашей науки. Надо иметь в виду, что литовская эмиграция, искажая историю «Малой Литвы», пытается сеять рознь между народами Литвы, Польши и России (см., например, «Lietuva politikos žurnalas», 1955, № 7, New York).

напрасно. Им уже противостояли не раздробленные земли, а Литовское великое княжество, сближения с которым искали ограбленная Орденом Польша и растущее Московское великое княжество. Совместная борьба народов этих стран и народов Прибалтики привела в конце концов к ликвидации и прибалтийского очага крестоносной агрессии.

Из рассмотренного материала можно сделать некоторые предварительные выводы.

1) История освободительной борьбы пруссов — славная страница прошлого народов Прибалтики.

2) Пруссы были побеждены потому, что, во-первых, они вели борьбу, не имея еще единого государства, войска, военачальника; во-вторых, Немецкий орден обрушил на их земли численно превосходящие силы немецких крестоносцев, которые прошли школу завоевательной борьбы в Передней Азии и при поддержке курии и империи получали пополнения из соседней Германии, а также Дании, Чехии, Франции; в-третьих, международное положение в Восточной Европе не благоприятствовало освободительной борьбе прусского народа, который был вынужден обороняться не только от Ордена, но также от нападений Польши и Руси, тогда как Литва не имела достаточных сил, чтобы изгнать рыцарей из Пруссии.

3) Пятидесятилетняя борьба пруссов за независимость имела крупное значение для истории соседних стран — Литвы, Польши и Руси, задержав и ослабив наступление на них Немецкого ордена, благодаря чему эти страны получили возможность развернуть совместную борьбу против Ордена в более благоприятных исторических условиях.

4) Выступая против крестоносного движения немецких рыцарей, поддержанных Германской империей и папской курией, пруссы сделали свой вклад в освободительную борьбу народов эпохи средневековья.

